

Татьяна
ЕРИИК

Серебро ночи:
-ТЕТРИУС-
Книга третья

Серебро ночи

Татьяна Герцик

Серебро ночи. Тетриус. Книга 3

«Дана Хадсон»

2018

Герцик Т.

Серебро ночи. Тетриус. Книга 3 / Т. Герцик — «Дана Хадсон»,
2018 — (Серебро ночи)

ISBN 978-1-37-097372-9

И снова все переплелось в один тугой клубок – любовь, ненависть, жажда власти. Возле границ Терминуса копится все больше врагов, все сильнее угроза гибели всей страны. По приказу Медиатора Сильвер уходит в Северстан за вторым обломком Инкусса – Секундо, без которого спасение страны невозможно. Когда он вернется и вернется ли вообще, никто не знает.

ISBN 978-1-37-097372-9

© Герцик Т., 2018
© Дана Хадсон, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Татьяна Герцик
Серебро ночи. Тетриус. Книга 3

© Татьяна Герцик

* * *

Глава первая

С досадой притопывая ногой, возмущенный Сильвер гневно смотрел на отца.

– Ваша честь, я чувствую себя предателем! Все дворяне, даже маркиз Пульшир, – при этом имени сидевший рядом Беллатор вскинул голову, но тут же опустил ее снова, – уехали сражаться, а я, который ничуть не меньше нескіо побывал в боях, сижу за неприступными стенами королевского дворца, как последний трус! Мне просто стыдно!

Медиатор сердито нахмурил брови. Младший сын каждый день высказывал ему свое негодование, не стесняясь в выражениях.

– Я много раз говорил тебе, у тебя другая дорога! – выговорил он Сильверу строже, чем намеревался. – Гораздо более опасная, чем та, по которой ушли нескіо и все остальные. Хотя бы потому, что они знают, что делать. А у тебя впереди будет только неизвестность. Это несравнимо хуже, поверь мне.

Сильвер тихо выругался и угрюмо посмотрел в окно на сыплющие золотой листвою яворы.

– Ну и когда же я пойду по этой вашей неизвестной дороге? Время уходит, скоро зима.

– Зима тебе и нужна, – твердо указал Медиатор. – На твоём пути будут непроходимые болота. Зимой они замерзают, и местные жители смогут провести тебя по ним. Летом это невозможно.

– Отец, на севере уже давно стоит зима! – негодуяще вскричал Сильвер. – Это у нас осень! Зачем ты тянешь время? До сих пор надеешься отправить со мной Ферруна?

– Да. Он моя единственная надежда, – глухо согласился Медиатор.

Сильвер с досадой выдохнул и рубанул рукой по воздуху.

– Еще неизвестно, пойдет ли со мной этот нахальный тип. Я же не дипломат, как Беллатор. Я не умею льстить, я умею только воевать. В походе, как и бою, приказы командира должны свято исполняться. А Феррун не подчиняется дисциплине. Мои приказы для него ничто.

Медиатор печально усмехнулся и простер руку к взволнованному сыну.

– На этот раз, сын мой, главным в этом походе будет Феррун, а не ты. Уж не обессудь.

Сильвер обескуражено потер затылок и посмотрел на брата, ища поддержку.

– Да у него мозгов меньше, чем у курицы! Куда он нас приведет?

Беллатор насмешливо заметил:

– Что-то слишком пристрастен, братишка. Может, ты ревнуешь? Раньше ты делил воинскую славу с нескіо, у вас даже состязание своего рода шло, и тут вдруг тебя затмил какой-то грязный трубочист!

Сильвер помялся, но из-за врожденной справедливости был вынужден признать:

– Есть немного. Но это не отменяет того факта, что Ферруна здесь нет. И я уверен, что со своим отсутствием страха он будет лезть в самую гущу боя исключительно ради потехи. Где гарантия, что он вернется с поля боя живым и невредимым, если вообще вернется?

– Никакой, – согласился с ним брат и почтительно обратился к Медиатору: – Я бы на вашем месте, отец, отпустил Сильвера в дорогу. Если Феррун соизволит к нему присоединиться, он его без труда догонит. Он выбрал удивительную кобылку, не знающую усталости. Да и скачет она гораздо быстрее наших лошадей.

Наместник тяжело задумался. Ему не хотелось отпускать сына в такой неизвестный и опасный путь без поддержки, пусть и призрачной, но, похоже, выхода не было.

– Поймите, отец, сидеть и ждать сложа руки глупо! – жарко поддержал брата Сильвер. – Я давно готов к походу, мои люди тоже. Разрешите нам выступить! Стыдно сидеть, невесть чего выжидая, когда на юге страны гибнут воины, защищая нас, будто мы слабые женщины!

Медиатор нехотя поднялся с кресла и вслед за младшим сыном подошел к стрельчатому окну. В парке перед дворцом по-осеннему пламенели кроны мощных деревьев, посаженных еще при королях, небо было мрачно-тусклым. На сердце у наместника было сумрачно так же, как и в природе.

Решившись, он повернулся к сыновьям.

– Мне отчаянно не хочется посылать тебя на север, Сильвер. Никогда, даже в самое опасное время, когда ты шел в тяжкий бой, у меня не было такого черного предчувствия. Но ты прав. Иди. Другого пути нет. Мы обязаны сделать все, что можем. Это наш долг, долг правителей этой страны. Прежде чем уйти в этот трудный поход, постарайся предусмотреть все мелочи, это очень важно. И обязательно надень добротную одежду. Возьми с собой меховой плащ. Это и твоих спутников касается. Меховые плащи – главное на этой дороге.

– Меховые плащи? – поразился Сильвер. – Да зачем они нам? Мы будем в них чувствовать себя неповоротливыми тюфяками, только и всего.

– И меховые попоны для коней. Уверен, все это пригодится, – не допускающим возражения тоном добавил Медиатор. – Скажу вам по секрету, в молодости мне довелось побывать на севере. Уверяю тебя, такой холодины ты и представить себе не можешь. Там дыхание превращалось в лед и падало на землю.

– Ты был на севере? Почему ты никогда нам об этом не говорил? – одновременно воскликнули пораженные братья.

– Потому что это не делает мне чести, – нахмурившись, признался наместник. – Я ослушался отца, запретившего этот безумный поход, и отправился туда тайком с сотней верных людей. Вернулось нас всего двое. Остальные пожертвовали собой, чтоб смог возвратиться я. И эти огромные жертвы были принесены зря: я ничего не добился. Мы прошли через болота, но дальше перед нами оказались огромные неприступные горы. На них с помощью местных проводников нам удалось взобраться, но наверху нечем было дышать. – Медиатор горестно провел руками по лицу, пряча повлажневшие глаза. – Я пожалел задыхающихся людей и приказал возвращаться. Едва мы повернули назад, на нас обрушилась снежная лавина. Она до сих пор снится мне по ночам в кошмарных снах, я вижу, как наяву: вот она несется на нас, огромная, неизбежная. – И он добавил севшим голосом: – Тогда и погибли почти все члены моего отряда. Я спасся только потому, что они успели вытолкнуть меня за пределы лавины. А сами остались под невероятной толщей льда и снега. Я до сих пор думаю, а не лучше ли было идти вперед?

Внимательно выслушав отца, Сильвер сделал разумный вывод:

– Тогда я возьму с собой только пятерых самых надежных и выносливых. Ни к чему рисковать людьми. Надеюсь, врагов мы не встретим.

Медиатор с горечью посмотрел на него.

– Ты прав. Делай, как знаешь. Я пойду поищу карту, по которой шел когда-то. Карта старинная, и многое в ней не совпадало с тем, что мы увидели в пути, а сейчас не совпадет еще больше. С карты сделаны три копии, первая сильно потрепанная, с ней я ходил в тот неудачный поход. Я дам тебе одну из хорошо сохранившихся.

– Лучше отдай обе, отец, на всякий случай.

– Но если Феррун решит вас догнать? Я все-таки надеюсь убедить его присоединиться к тебе.

– Ферруну ни к чему карты, отец. Он найдет нас по запаху, – беззлобно пошутил Сильвер. – У него нюх, как у ищейки. Он любую собаку заменит.

– Вряд ли Феррун умеет читать карты, – засомневался Беллатор. – Хотя кто его знает. Он открывает нам все новые и новые грани своей личности. Но карта не проблема. Если понадобится, сделаем для него еще одну копию. Подлинник же сохранился?

Медиатор кивнул и посетовал:

– Зря Крис уговорил его ехать в Мерриград. Лучше бы он сразу отправился с Сильвером.

– Отец, на поле боя Феррун может спасти жизни нескольким сотням раненых. – Сильвер знал, как много значит хороший лекарь на поле боя. – Он не расстанется со своей волшебной сажей. Хотя когда-нибудь она да кончится.

– Тогда он отправится в замок Контрарио за новыми запасами. – Беллатор порывисто поднялся и посмотрел в окно, будто ожидал увидеть в нем этот самый замок. – Не думаю, что он поедет куда-либо без своей панацеи. Он ведь и сам ей лечится, насколько я знаю.

– В самом деле! Феррун наверняка рванет туда, не слушая ничьих просьб и увещаний. – Сильвер призадумался и с нажимом обратился к наместнику: – Тогда нам тем более бессмысленно его дожидаться. Мы выступаем завтра же!

Медиатор суетливо напомнил:

– Помни о теплой одежде, сын мой. На этой суровой дороге это самое главное. Еду вы сможете добыть в лесу, убив дичь, хлеб купить у крестьян, но теплую одежду для перехода через горы вам взять будет неоткуда.

– А как же шли вы? – Беллатор вынырнул из задумчивости, обхватил себя за локти и посмотрел на отца.

– Мы тоже, как собирается Сильвер, пошли налегке, не предполагая, что на свете существуют такие морозы, что невозможно развести костер. Но по дороге у местных жителей нам с трудом удалось купить меховые плащи. Они нас и спасли.

– Но сейчас шить плащи уже поздно. На это нужно время. – Сильвер обрадовался предложению отказаться от дурацкой одежды.

Наместник укоризненно покачал головой, сумрачно улыбнувшись неразумному сыну.

– Я еще не выжил из ума, сын, не думай. Я приказал сшить эти плащи сразу, как Крис увез Зинеллу. Они давно готовы и ждут своего часа. Пойдемте, я вам их покажу. Боюсь, они тебе не понравятся, Сильвер, наверняка сочтешь их тяжелыми и неудобными, но их преимущества ты оценишь позже, в походе.

Он повел сыновей в дворцовые мастерские. Пройдя целый ряд в одном из флигелей, остановился возле небольшой утопленной в стене деревянной дверцы и постучал. Дверь тотчас отворилась.

Подобострастно кланяясь, невысокий человек в кожаном фартуке провел их вглубь большой комнаты с выходящими на дворцовую площадь узкими высокими окнами. Резко пахло звериными шкурами, острым, шибящим в нос составом для выделки мездры. Посредине комнаты за длинным широким столом сидело пятеро скорняков, держа в руках разноцветные шкуры.

– Покажи нам снаряжение для северной дороги, которое ты подготовил для путников, – приказал Медиатор.

Главный скорняк отворил створки широкого шкафа в углу комнаты и с гордостью вынул длинный широкий плащ, подбитый с изнанки густым волчьим мехом и украшенный по краю капюшона пышной оторочкой из огненно-рыжей лисы.

– Какой кошмар! – Сильвер не мог поверить, что ему придется надеть этот балахон. – Отец, ты это серьезно?

Медиатор взял из рук скорняка плащ и накинул его, дважды обернув вокруг себя.

– Довольно удобно. Он вовсе не тяжелый. Шкуры выделаны прекрасно. Проверь сам. Но, если тебе не нравится эта рыжая оторочка, есть плащи с волчьими воротниками. Примерь.

Сильвер с безразличной гримасой натянул на себя плащ с более скромным волчьим капюшоном. Стремительно повернулся, плащ обмотался вокруг ног, и Сильвер чуть не упал. С досадой воскликнул:

– И как в нем сражаться, отец?

– Не думаю, что в нем тебе придется сражаться. Избегай любых стычек, помни, у тебя другая цель. К тому же до гор вы доедете в обычных шерстяных плащах. Но вот дальше без этих плащей проехать невозможно. Так же как и без этих шапок!

По указующему жесту наместника скорняк вытащил странное сооружение из меха, похожее на рыцарский шлем с забралом.

Сильвер отступил на шаг, в ужасе глядя на непонятное сооружение.

– Что это?

– Это шапка. Образец я привез из северной страны. Там все так ходят зимой. И поверь мне, ты будешь очень рад, когда наденешь ее на замерзшие уши.

– Какой же там должен быть зверский холод, чтобы люди на голову напяливали такое убожество! – Беллатор принялся рассматривать шапку, потом надел ее на себя.

Сильвер расхохотался.

– Ну и урод! Право, отец, не знаю, стоит ли мне брать ее с собой.

Медиатор сердито взмахнул рукой.

– Я тебя и не прошу ее брать! Я тебе приказываю! – он всерьез разозлился.

Сильвер вынужден был поклониться в знак послушания.

– И не вздумай выбросить ее по дороге! Ты об этом горько пожалеешь!

Сыновья переглянулись и одновременно пожали плечами. Они не знали, что такое настоящий холод. В Терминусе самый страшный мороз был тогда, когда осыпались листья с деревьев и легким морозцем прихватывало землю, это неудобное время называлось зимой. Ни Сильвер, ни Беллатор не представляли, что может быть так холодно, что на голову приходится надевать что-то теплее обычной широкополой шляпы или колпака, что носило простонародье.

Но Беллатор был дальновиднее своего поспешного брата.

– А что тогда нужно надевать на ноги, если будет так холодно? Ведь тогда наши сапоги из тонкой кожи тоже не годятся?

Медиатор немного отмяк.

– Ты прав. Боюсь, моему младшему сыну меховые сапоги тоже придется не по нраву.

Скорняк принес высокие сапоги с меховым подбоем, казавшиеся на редкость неуклюжими.

– Померяй! – не терпящим возражения тоном приказал Медиатор.

Сильвер с кислой миной уселся на невысокий стульчик и принялся натягивать сапоги. К его удивлению, они натянулись быстро и как-то уж очень легко. Он надел второй и встал. Покачался на носках и с удовлетворением заметил:

– А вот против сапог я не протестую. Неплохо. Мягко и удобно. Только жарко.

– В горах жарко не будет, это я тебе обещаю, – заверил его Медиатор. – Для вас приготовлены еще и меховые рукавицы. В горах они тоже необходимы.

На это Сильвер убито промолчал и принялся снимать с себя походное снаряжение. Пока сын стягивал сапоги, отец задумчиво признал:

– Когда я пошел на север, надеясь раздобыть Секундо, я долго раздумывал, как это лучше сделать. Летом идти было бесполезно, через болота не перебраться. Но если бы я знал, какой холод в горах, я бы пошел на излете зимы, с тем, чтобы оказаться в горах в начале лета.

– Ну, столько ждать нельзя, – Сильвер с укором посмотрел на отца.

– Я тебе это и не предлагаю. Местные жители говорили, что весной и летом часты камнепады. Но и зимой в горах очень опасно. Если выпадет много снега, то может сойти лавина.

– Лавина? Ты говорил, под ней погиб твой отряд, – насторожился Сильвер. – Но что это такое, я плохо представляю.

– Я читал об этом. Это когда высоко в горах скапливается снег и под собственным весом срывается со скалы и вихрем несется вниз, уничтожая все на своем пути. Правильно, отец?

– Да, – повесив голову, подтвердил Медиатор. – Под такой лавиной в горах осталась большая часть моего отряда. И для схода лавины достаточно пустяка. Сказанного громко слова, например.

Сильвер вздохнул.

– Вы меня просто уже запугали опасностями и превратностями пути. А что еще?

– Чем выше ты будешь подниматься, тем тяжелее будет дышать. Мы дошли с проводником до перевала. Дальше он с нами не пошел. Все местные жители боятся ходить через перевал. Они уверены, что за ним живет огромный людоед.

– Но до людоеда ты не дошел?

– Нет. Мы повернули, потому что нечем было дышать. Такое чувство, что наверху воздуха просто нет. И я прошу тебя: если почувствуешь, что дорога непроходима, просто возвращайся. Никто тебя не осудит. Ты нам нужен живым.

– Но как тогда общались между собой наши королевства? – Сильвер обмахнулся полами плаща, как огромным веером. – Ведь были же у них какие-то пути сообщения? И, вероятно, весьма используемые. Недаром в былые времена наш король отдал свою дочь замуж в Северстан, в это далекое холодное королевство, значит, в том была необходимость. Принцесс не отдают замуж в такую даль без крайней нужды. Может быть, нам надо просто идти в обход?

– Я не знаю обходные пути, сын. Мой дед пытался о них узнать, но все наши соседи заверяли, что нужно переходить горы, а перед горами болото.

– Северстан что, расположен на полуострове?

– Похоже на то. Наверное, все говорят об одном и том же пути, только называют его по-разному. Во времена владычества королей между нашими королевствами была проложена хорошая удобная дорога. Остатки ее то и дело встречались на моем пути. Но время, оползни и землетрясения мало что от нее оставили.

Сильвер стянул с себя сапоги, с кривой ухмылкой взвесил в руке плащ и с откровенным отвращением посмотрел на шапку.

– Ладно, я все понял, отец. Пойду предупрежу своих спутников и начну собираться. Сколько у меня этих жутких меховых комплектов?

– Мы приготовили пятьдесят, ваша честь! – с поклоном доложил скорняк.

– Мне столько не нужно. Хватит и десяти. Более с собой людей я брать не буду. – Сильвер хотел идти, но Беллатор его задержал.

– Ты возьмешь с собой Алонсо?

– Конечно! – Сильвер вопросительно посмотрел на брата. – Ты против?

Беллатор согласно переглянулся с отцом.

– Не бери его!

– И я против! – Медиатор решительно поддержал старшего сына.

Сильвер упер руки в бока и категорично возразил:

– Мы бок о бок были в стольких сражениях, что я их числа не помню! И вдруг я его не возьму? Для него это прямое оскорбление!

Беллатор тихо, с сочувствием, проговорил:

– Он отравлен, Сильвер. Пусть это и не проявляется внешне, но он опасен, очень опасен. Кто знает, на кого выльется его внезапный и беспричинный гнев? В таком путешествии нужно быть уверенным в каждом спутнике, как в себе. Подумай, можешь ли ты доверять Алонсо?

– Могу! – упрямо возвестил Сильвер. – Он никогда меня не подведет! Так же, как и я его!

– Тогда я запрещаю тебе звать его с собой! – Медиатор грозно взглянул на сына. – Если ты не понимаешь грозящей тебе опасности, то я осознаю ее полной мерой!

– Я присоединяюсь к словам отца, брат! – весомо попросил Беллатор. – Будь благоразумен, не посылай за Алонсо.

Сильвер поколебался, но нехотя согласился. Успокоившийся Медиатор снял смешную шапку с головы Беллатора, отдал ее скорняку и добавил:

– Чуть не забыл: коней в горы взять не удастся. Те люди, что живут рядом с горой, не знают лошадей. Они их попросту боятся. Так что вам придется лошадей отпустить. Возможно, они возвратятся в конюшню, возможно и нет. Не это сейчас главное. Для перехода по горам будут нужны железные крючья и веревки. Очень крепкие длинные веревки.

– Хорошо, я позабочусь об этом, – пообещал отцу Беллатор. – Что еще может понадобиться?

Они пошли по коридору, обсуждая все мелочи предстоящего похода.

Прерывая их беседу, навстречу им метнулся камердинер наместника.

– Ваша честь! Все вас ищут! Приехал граф Контрарио и просит вашей аудиенции.

Медиатор кисло поморщился.

– Вот как?! Передайте моему секретарю, чтоб проводил его в зал для аудиенций и попросил подождать.

Камердинер торопливо ушел.

– Что ж, ничего хорошего ждать не приходится. Хорошо, что Контрарио утратил Тетриус. По крайней мере, теперь мы будем с ним на равных, – утешая самого себя, произнес Медиатор. – Но все равно разговор с ним ничего хорошего не сулит.

– Может быть, мне пойти вместо тебя, отец? – предложил Беллатор.

Медиатор повел рукой, отвергая это предложение.

– Нет, до такой степени мы оскорблять графа не будем. Пусть и без Тетриуса, но он слишком серьезный противник, чтобы дразнить его без нужды. А вы готовьтесь к походу.

Они разошлись. Братья ушли в заднюю часть дворца, где располагались подсобные помещения, а Медиатор, озабоченно нахмутив брови, прошествовал в главную, в зал для аудиенций.

У входа в зал толпилось несколько что-то живо обсуждавших придворных. Завидев наместника, они учтиво поклонились. Кивнув им в ответ, Медиатор зашел в зал.

Там в кресле с высокой спинкой сидел ожидающий его граф в иссиня-черном бархатном камзоле с вычурным серебряным позументом. При появлении наместника он любезно поднялся и с ехидством усмехнулся. Они раскланялись, впрочем, не слишком низко. Медиатор указал Контрарио на то же кресло и сел напротив.

– Чем обязан столь высокой честью? – голос наместника звучал насмешливо, он этого и не скрывал.

– Да, я слишком редко бываю во дворце, – с притворным сожалением произнес граф. – Дела. Их слишком много, не успеваю все переделать.

– Но сейчас вы выкроили время для визита? – с глумливой вежливостью вернул укол Медиатор. – Что же произошло такого необычайного, чтобы вы почтили нас своим посещением?

– Пришлось. Мне вот уже несколько месяцев ничего не пишет сестра. – Контрарио знал о гибели Зинеллы, но Медиатору говорить об этом не собирался.

– Ничего не доносит, будет точнее? – жестко уточнил его собеседник.

– Как вам будет угодно, ваша честь, – Контрарио с презрительной усмешкой склонил голову.

Медиатор с трудом сдержал гнев и ответил с той же прохладной ехидцей:

– Зинелла отравилась своим же ядом. Ведь это вы послали ей через лэрда Патрема шка-тулку с двойным дном? Разве не так?

Граф и не думал отпираться.

– Неужели все было проделано так топорно? Я думал о лэрде лучше. Жаль, что все так произошло.

Эта двусмысленная фраза едва не вывела наместника из себя. Несколько мгновений они мерились взглядами, потом Медиатор яростно выдохнул:

– Вы же были уверены в помрачении моего рассудка? И что я безропотно выпью поданный мне Зинеллой яд, никто и не сомневался?

Контрарио немного помолчал, от всей души проклиная Агнесс и страстно жалея об отсутствии Тетриуса. Если б на его пальце было кольцо с магическим камнем, этот жалкий наместник только покорно поддакивал бы его словам, не думая противиться. Хмуρο взглянул на неприязненно настроенного собеседника.

– И у вас нет желания поквитаться со мной, ваша честь?

Медиатор подавил слова, что вырывались из самой глубины своей оскорбленной подчиняющим заклатьем души, и сказал то, что должно:

– Я не столь глуп, граф. Наверняка о вашем визите знает слишком много представителей аристократии. К тому же я обязан поддерживать законность. А арестовывать вас я не имею права. При разборе ваших деяний на Дворянском совете вы наверняка не признаете, что шка-тулку с ядом Зинелле передали вы, не так ли?

Граф ответил Медиатору его же словами:

– Я не столь глуп, ваша честь. Естественно, я буду отстаивать свою невиновность. Но этого никогда не случится. Никогда наместники не обвиняли аристократов в их мелких прегрешениях. Как вы верно признали, на это у них не было прав. Я могу увидаться с племянниками?

Медиатор удивился.

– Для чего? Насколько я помню, вы ни разу не изъявили желания встретиться с ними за все годы их жизни. С чего же теперь?

– Ну, жизнь без матери не сахар. Возможно, я бы смог их утешить, – задумчиво предположил любящий дядюшка.

– Не обольщайтесь, граф. Зинеллу они видели только по праздникам, когда мы собирались всей семьей, да и то по моему настоянию. Смею вас уверить, дети почти не помнят свою не слишком отягощающую себя материнской заботой мать. К тому же во дворце их нет. Они в моем поместье. Там спокойнее.

Граф безразлично пожал плечами. В принципе, желания увидаться с племянниками у него и не возникало. Он лишь хотел досадить наместнику, напомнив ему об их пусть и сомнительном, но родстве. Но у него были другие, куда более прочные интересы.

– Где прислуга Зинеллы?

– Все распущены и разбрелись кто куда. Но вас наверняка волнует лишь ее камеристка, Антия, если не ошибаюсь? – Медиатор проницательно смотрел в лицо противника, замечая все нюансы его мимики.

Контрарио постарался выглядеть равнодушным.

– Конечно. Она была еще камеристкой моей матери.

– Сочувствую вам, – в голосе Медиатора не было ни грана мягкости, – но она погибла.

– Как это произошло? – Контрарио встревожился, хотя и не показал этого.

Если перед смертью ее пытали, она могла рассказать многое. Слишком многое. Причем того, что Медиаторам знать вовсе не полагалось. Одно то, что она знала все тайные пути сообщения, уже было опасно. Пусть крыс больше нет, одно то, что он мог ими управлять, сильно повредило бы его репутации. Одно дело нелепые слухи, которые служили ему на руку, заставляя бояться и сторониться, и другое – уверенность. В истории Терминуса были случаи, когда аристократы, обвиненные в чернокнижии, попадали на костер святой инквизиции.

«Король крыс» вовсе не то звание, которым следует дорожить.

Медиатор нехотя ответил:

– Она оказала сопротивление при задержании, и охрана была вынуждена применить оружие. Вполне возможно, что служанка спешила вам что-то сообщить. Или, наоборот, рвалась воссоединиться со своей госпожой. Я в это не вникал.

Контрарио понял, что Антия ничего не рассказала, и несколько успокоился. С наигранным возмущением потребовал ответа:

– Как, ваша честь? Во дворце, находящемся в вашей юрисдикции, убивают человека, и вы в это не вникаете?

– Меня не интересуют служанки, к тому же чужие, – высокомерно отрезал Медиатор и саркастично уточнил: – Хотя, возможно, ее нужно было казнить прилюдно, как пособницу отравительницы. Вы так считаете?

Взгляды скрестились, как мечи. Внезапно что-то вспомнив, граф отступил.

– Наверно, вы правы. Служанки никого не интересуют. Но Зинеллу мне жаль. Не забывайте, она мать ваших детей. Или у вас и с этим возникли определенного рода подозрения?

Граф уже откровенно издевался, пользуясь своей безнаказанностью. Но Медиатор хладнокровно парировал:

– Кровь Сордидов всем внушает определенные подозрения. У вашего отца они ведь тоже были?

Контрарио покраснел от овладевшей им ярости и потянулся к кинжалу. Но вовремя опомнился. Он не хотел окончательно испортить отношения с братом Фелиции. Он до сих пор не терял надежды ее вернуть.

Медиатор кивнул графу на прощанье и приказал придворным его проводить. Делая это не из следования этикету, а из боязни, что граф вздумает заглянуть в покои племянников, убедиться, что их в самом деле нет.

Выпроводив графа и чуть слышно произнеся ему вслед несколько отнюдь не аристократических проклятий, Медиатор пришел в свои покои и принялся за поиски карты. В те далекие времена, вернувшись еле живым из трудного похода, он убрал ее в потайное отделение секретера в надежде никогда ее больше не доставать. Но ошибся. Никогда еще у наместников Терминуса не было времени труднее и безнадежнее.

Никто из рода Медиаторов не жил спокойно. Но то были стычки либо с аристократией, либо с имгардцами, неприятные, но все-таки не фатальные. Ошибаться было нежелательно, но роковых последствий для страны они не имели.

А вот ему ошибок больше совершать нельзя. Он и так сделал страшную ошибку, связавшись с Зинеллой. Хотя как этого можно было избежать, если на него было наложено заклятье с помощью камня, обладающего неизбывной силой?

Карта на потемневшем от времени пергаменте и три ее копии на плотной, слегка пожелтевшей бумаге, лежали там, куда он их с досадой бросил почти сорок лет назад – в самом углу потайного отделения. Медиатор осторожно расправил подлинник. Углы уже начали осыпаться, названия были видны еле-еле. Сюда бы Ферруна с его запредельно острым зрением. Вдруг на карте есть что-то, чего не заметил ни он, ни переписчики?

Узкая линия, ведущая от Купитуса к столице Северстана, Тринали, петляла по болотам, горам, какой-то неведомой долине, до которой он не дошел, упиралась в голубую реку с пунктирным мостом, которого наверняка давно уж нет, по густому лесу с нарисованными мордами неизвестных в Терминусе зверей, по непонятной изломанной линии, неизвестно что обозначающей, и, наконец, кончалась возле Северстана и его столицы.

Одолеет ли его сильный мужественный сын этот ненадежный и такой непредсказуемый путь? Чем кончится этот поход? Если бы с ним был Феррун, он бы так не волновался. Но Сильвер прав – ждать Ферруна бесполезно.

Он взял две копии карты, сделанные еще в те далекие годы. Краски яркие, ничего им не сделалось от лежания в темноте все эти годы. Не то, что ему. Он поднял голову и взглянул

на портрет жены, его дорогой Оливии. Запечатленная художником незадолго до смерти, она осталась молодой и невероятно красивой. И улыбалась ему также светло и ласково, как улыбалась в те далекие счастливые годы.

Как рано он ее утратил! Сколько слез он тайно пролил, не в силах превозмочь охватившее его черное отчаяние! Ведь только отдаленное сходство Зинеллы с покойной женой заставило его обратить на нее внимание. А уж потом постарался Контрарио.

Медиатор с трудом оторвался от портрета. Ему собственными руками нужно снарядить в путь младшего сына, из которого тот может и не вернуться. Возможно, этот поход продлится не один год. Вполне возможно, Сильвер возвратится на пепелище, если Терминус к тому времени падет.

Но что делать? Нет в жизни легких путей. Неизвестно, будет ли легче ему с Беллатором здесь. Скорее, еще труднее. Имгардцы наступают, их теснит еще более страшный враг. Смертей не избежать. И никто не ведает, сколько их еще будет.

Завернул копии карты каждую по отдельности в тонко выделанную кожу, смазанную специальным составом, делающей ее непромокаемой. Потом спустился в хозяйственные пристройки дворца, где должны были собраться Сильвер с товарищами.

Они в самом деле были там и громко хохотали над воином, обрядившимся в плащ и шапку. Завидев Медиатора, смех прекратился. Все почтительно ему поклонились.

– В горах вам будет не до смеха, – сухо пообещал им наместник, – вы будете рады, что сможете надеть на себя эти вещи. Еще и пожалеете, что на вас всего лишь по одному плащу. Я вам это говорю как очевидец.

Воины переглянулись. Один из них, ясноглазый и насмешливый, задумчиво предложил:

– Может быть, тогда нам стоит взять с собой несколько плащей каждому?

Он предложил это как забавную шутку, но Беллатор распорядился:

– Правильно! Возьмите каждый по два плаща. В них можно будет и спать на голой земле с небольшими, но удобствами. Плащи легкие, ваши кони их вполне увезут.

– А потом что с ними делать? Тащить на себе? – Сильвер не мог понять столь странной заботы брата.

– Они будут на твоих плечах, а не за плечами, поэтому их веса ты не почувствуешь. А если будет и впрямь так холодно, что пар будет превращаться в иней и падать вниз, то ты будешь рад двойной защите от него.

– Ладно, – уныло согласился Сильвер и исподтишка показал кулак насмешнику.

Тот отвернулся, пряча веселую ухмылку.

– Вы все приготовили? – Медиатор осматривал походные мешки сына и его спутников. – Ты предупредил их об опасностях?

– Конечно. Но это все закаленные воины, опасности им не страшны.

Медиатор сокрушенно покачал головой.

– Вы всегда воевали против явного врага, а не против тайного. Опасность может подстергать за каждым углом, и от этой опасности мечами будет не отбиться. Прошу каждого придирчиво оценить свои силы. Дорога дальняя и трудная, по сути, в никуда. Обратного возврата не все, а, возможно, вернуться не сможет никто. Если у вас есть хоть малейшее подозрение, что вы не справитесь, оставайтесь. Лучше воевать здесь с явным врагом, чем быть обузой Сильверу в опасном походе.

Воины переглянулись. Несколько человек заколебались, и Медиатор сразу сказал им:

– Вам лучше остаться. Война только начинается. Вполне возможно, что ваш боевой опыт будет гораздо нужнее здесь, чем там.

Колеблющиеся вышли из строя. Беллатор пересчитал оставшихся.

– Без тебя пятеро, Сильвер. Как ты и хотел. Вам стоит перекусить и пораньше лечь спать. Завтра у вас начнется долгий путь в неизвестность. До северной границы Терминуса вам скакать еще дней семь-восемь. Но это будет спокойная дорога. Что будет потом, никто не знает.

Медиатор подал Сильверу две узкие трубки.

– Это копии древней карты. Хорошенько ее изучите. Все названия с древнего языка переведены, трудностей у тебя быть не должно.

Сильвер осторожно убрал одну карту в свой мешок, другую протянул ясноглазому насмешнику.

– Бери, Эдмунд, это тебе! Если со мной что-то случится, оставшиеся с ней дойдут до Северстана.

Эдмунд закрутил пышный ус.

– С таким настроением не стоит и начинать!

– Это простая предусмотрительность. Вернемся, ты мне ее отдашь. А теперь спать! – и Сильвер подал пример, уйдя первым.

Беллатор с Медиатором скорбно наблюдали, как воины завязывали мешки с поклажей, относили их поближе к входу, чтоб забрать на рассвете, и расходились по своим спальням.

Отец со старшим сыном остались одни. Медиатор с глубокой печалью проговорил скорее для себя, чем для сына:

– Кто из них вернется? И вернется ли?

Беллатор угнетенно промолчал. На этот вопрос ответа никто не знал.

Они прошли в покои Медиатора. Он приказал подать вина и легких закусок. Выпив бокал, Беллатор спросил:

– Для чего приходил Контрарио?

– Узнавал, что случилось с Зинеллой. – Наместник брезгливо поморщился, произнеся это имя.

– Поздновато он о ней вспомнил.

– Понятно, это только предлог. Он проводил рекогносцировку. Теперь, когда в столице практически не осталось охраны, он непременно пожелает захватить власть. И повод у него есть – он якобы мстит за сестру.

– Невозможно отомстить за того, кто тебе безразличен.

– Зинеллу он не любил, но она была ему очень полезна. К тому же его приспешников это не интересует. И у него есть еще один очень немаловажный интерес. Возможно, самый главный в его жизни.

– Фелиция? – встревожено уточнил Беллатор.

– Вот именно. Убежден, что она до сих пор привлекает его сильнее, чем власть и деньги.

– Тетушка – монахиня, она не может выйти замуж ни за него, ни за кого другого, – убежденно заявил Беллатор. – Контрарио не на что надеяться.

Медиатор болезненно сглотнул, дернув кадыком.

– Думаешь, его волнуют подобные мелочи? Значит, станет любовницей графа. Сейчас, когда в монастыре осталось всего-то десяток стражников, препятствия для него, по сути, нет.

– И Роуэн в одиночку мало что может сделать против сотни вооруженных наемников графа, – Беллатор встал и в волнении принялся ходить по комнате.

– Роуэн? – наместник задумался. – Даже если он и не желает претендовать на титул герцога, но уж звание «Короля-из-подворотни» у него никто не отнимет.

– Что ты хочешь этим сказать? – Беллатор остановился перед ним, чуть склонив голову набок.

– Нужно дать ему денег, и пусть он наймет самых отчаянных головорезов из босяков. В монастырь их пускать ни к чему, пусть располагаются вокруг. Так, чтоб мышь не проскочила. И охраняют.

– Ты уверен, что они не разбегутся, стоит лишь показаться штандартам графа?

– Пусть выбирает таких, кто не побежит. В этом он разбирается лучше нас.

Беллатор кивнул, наливая вина себе и наместнику.

– Ты прав, отец. Завтра же после отъезда Сильвера отвезу деньги Роуэну. И скажу, что одна надежда на него. По крайней мере, о безопасности Фелиции у нас голова болеть не будет.

– Может быть, на обратном пути ты заглянешь к маркизе Пульшир? – вкрадчиво предложил Медиатор.

При этом имени рука у Беллатора дрогнула, расплескав вино из бокала.

– Зачем? – он приложил платок к запачканному камзолу и чертыхнулся.

Медиатор заметил непривычное беспокойство сына. Медленно поднеся бокал с вином к губам, отпил и только потом произнес:

– Мне кажется, Фелиция права, и маркиза что-то скрывает. Поговори с ней. Женщины всегда относились к тебе с доверием. Возможно, твоя располагающая внешность поможет и тут.

– Ладно. Я заеду к ней. Но за результат не ручаюсь. Она необычная женщина, – при этих словах Беллатор невольно вздохнул.

Отец пронизательно взглянул на сына.

– Она тебе нравится?

– Что из того, нравится, не нравится? – с горечью заметил Беллатор. – Я почти ровесник ее сына, и этим все сказано.

– Она не считает тебя мужчиной? Ты для нее кто-то вроде сопливого мальчугана? – Медиатор приподнялся, намереваясь подняться, но передумал и снова тяжело опустился в кресло.

– Она меня считает сыном наместника и никем более. Но не будем об этом. – Беллатор немного помолчал, мрачно нахмутив брови. – Меня мучают тяжелые предчувствия. Мне страшно за брата. У тебя нет такого отвратительного чувства, отец?

Медиатор прерывисто вздохнул, кивая.

– Тяжкие предчувствия меня мучат очень давно. Даже во время опьянения меня Зинеллой мерзкими снадобьями и нахождения под чарами Тетриуса, от которых я впадал в скудоумие, меня угнетали дурные сны. Днем я почти ничего не понимал, но вот ночью, в снах, куда не было доступа чародейскому камню, я соображал очень ясно. К сожалению, при пробуждении сны очень быстро забывались.

– Этой Зинелле мало одного беспамятства, ее нужно было заключить в подземелье на всю жизнь, – зло воскликнул Беллатор.

– Она тоже была под воздействием камня, – справедливо заметил Медиатор.

– Ты так и графа оправдаешь, отец, – Беллатор недовольно поморщился.

– Нет. Контрарио был таким еще до того, как в его руки попал чародейский камень. Своевольным и эгоистичным. Камень только усилил его отрицательные качества. Но у нас с тобой другие сейчас заботы. И главная из них – проводить Сильвера в дальний путь. Хорошо, что Алонсо не знает о походе. Мне жаль его, но поделаться я ничего не могу.

– Мне тоже его жаль. Возможно, если б мы вовремя показали его Ферруну, все было бы по-другому. Но что толку мечтать? Вряд ли целебная сажа может лечить душевные немочи.

– Целебная сажа... – наместник посмотрел на свое запястье, о чем-то вспомнив. – Сажа вряд ли, а браслет? Ты помнишь браслет, посланный Зинелле? Там еще надпись такая, про яд...

– «Носи меня, и яд тебе не страшен», как перевела тетушка? Ты его имеешь в виду?

– Да. Что будет, если надеть браслет на Алонсо?

– Но браслет женский... – возразил Беллатор.

– И что из того? Оттого, что окажется на мужской руке, своих свойств он ведь не потеряет. Не думаю, чтоб амулеты делились по гендерному признаку.

Беллатор медленно кивнул.

– Возможно. Хуже не будет в любом случае. Но Алонсо в загородном поместье лэрда. Как ему передать браслет? Сильвер рассказал нам странную историю. К Алонсо никого не пускают.

– Я не удивлюсь, если его опаивают какой-то дрянью. Лэрд давно желает передать титул второму сыну, минуя наследника. И все из-за дружбы Алонсо с Сильвером. И для этого не чурается самых грязных способов. Так что браслет нужно Алонсо не передать, браслет нужно надеть на его руку. Именно – надеть!

– Хорошо, отец. Я займусь этим тотчас после отъезда брата.

Беллатор ушел к себе, а Медиатор еще долго не спал, разбирая обширные донесения со всех уголков страны и беседуя с секретарем. Потом он подошел к покоям Сильвера, постоял возле них, тяжело вздохнул и, не решаясь разбудить сына, вернулся к себе.

Но Сильвер не спал. Более того, его во дворце не было. Все предыдущие ночи он проводил у Домины, поехал к ней и сегодня. Она уже ждала его в своем уютном домике в новом нарядном платье, с улыбкой на сладких розовых устах. Но зоркий взор Сильвера различил и припухшие глаза, и тени под ними, и ее вымученную радость.

Неужто она до сих пор любила нескио? Эта мысль была ему отвратительна. Он не считал себя хуже главы аристократии. Наоборот, он был моложе и красивее. Так почему она так долго убивается по бывшему покровителю?

Накануне он предложил Домине перебраться в королевский дворец, но она отказалась. Когда он принялся допытываться почему, ведь ей не нравится жить в этом маленьком домишке, она привыкла к роскоши и простору, она тихо ответила:

– Я никогда не буду там хозяйкой. – И злое нахмурилась, о чем-то задумавшись.

Сильвер догадался, о чем. О той, что займет или уже заняла ее место подле нескио.

– Забудь! – приказал он ей и постарался пылкими ласками выгнать из ее сознания мысли о мести.

И вот сегодня она старательно ему улыбалась, делая вид, что рада. Но он ей не верил. Хотя ее притворство не особо его волновало. Ему нравилось ее роскошное тело, ее царственная красота, но ни на что более серьезное она его не соблазняла. Жениться на ней он не собирался, а вот как любовница она была очень даже хороша.

Домина это понимала и на большее не рассчитывала. Сильверу она уступила из-за его напористости, просто не смогла отказать, да и не умела отваживать столь настойчивых и богатых кавалеров. Сестра сердито пеняла ей на это, но как было сказать «нет» настойчивому сыну наместника? Домина этого не знала.

Под утро Сильвер встал, быстро оделся и, целуя ее, обнаженную и раскрасневшуюся после ночи любви, шепнул:

– Я уезжаю на север. Не знаю, вернусь или нет. Если сможешь, жди меня, не сможешь, я винить тебя не стану.

И, оставив на ее туалетном столике кошель золота, ушел.

Повернувшись к стене, Домина уткнулась носом в подушку и расплакалась от жалости к себе, всеми покинутой и нелюбимой.

– Отчего плачет такая знойная красотка? – раздавшийся над ухом вкрадчивый голос был ей незнаком. – Ее некому утешить?

Домина испуганно села на кровати, прикрываясь одеялом. Высокий мужчина в черном камзоле с серебряными позументами раскованно присел на постель рядом с ней и медленно потянул на себя одеяло.

Темно-серые глаза, каштановые волосы, собранные в небрежный хвост, насмешливый твердый взгляд. Вот только желтизны не было ни в белках глаз, ни на коже, но Домина все равно узнала его и задрожала от ужаса.

Граф Контрарио!

У нее перехватило дыхание от ужаса. Он тихо засмеялся.

– Похоже, ты узнала меня, моя красавица. Но не надо так дрожать. Я вовсе не так страшен, каким рисует меня народная молва. Не бойся, – мягко проговорил он, коснувшись рукой ее ладони.

Выпустив из рук одеяло, Домина отодвинулась от него на самый краешек кровати и сжалась в маленький жалкий комочек. Что ему от нее нужно?

Он понял ее вопрос без слов.

– Нескио тебя смертельно обидел, не так ли? Оставил практически без средств? Поэтому ты вынуждена принимать у себя простолюдинов, как обычная шлюха? – голос Контрарио звучал так сочувственно, так сострадающе, что Домине до слез стало себя жаль.

Хотя нескио дал ей приличную сумму, вполне достаточную, чтоб жить безбедно всю оставшуюся жизнь, но слова графа упали на подготовленную почву. Домина так любила нескио, так его боготворила, а он обошелся с ней просто безобразно, изгнав из своего дома, как ненужную собачонку. И ее поруганная любовь требовала отмщения. Она гневно сверкнула глазами, поощряя графа продолжать.

Контрарио искушающе проговорил:

– Если бы на твоём месте был я, я бы этого так не оставил. Я бы наказал того, кто мною пренебрег. Пусть не сразу, но непременно наказал. Месть сладка, очень сладка.

Домина молчала, в ее голове проносились смутные мысли:

«Она бы наказала нескио за пренебрежение, это верно. Но как это сделать? В поместье нескио и в другие его имения ей теперь ходу нет. Да и рука у нее не поднимется его убить. Нет, уж пусть лучше остается все так, как есть».

Контрарио вяло следил за ее меняющимся настроением. Она вся была для него как открытая книга. Он чуть не зевнул во весь рот от враз накотившей скуки. До чего же женщины предсказуемы! Впрочем так же, как и мужчины. Он давно убедился, что для него в людях тайн нет.

Постарался сказать как можно унылее, так, как должны говорить разочарованные любовники:

– Нескио влюбился в мою любовницу, Агнесс. Думаю, скоро он приведет ее в свой дом. Представляешь – она будет жить в твоих покоях, пользоваться твоими вещами. И это ее будет любить нескио. Твой нескио! Ее, а не тебя! Ты этого хочешь?

Представившая эту картину Домина досадливо всхлипнула. Придвинувшийся плотную к ней граф обнял ее за обнаженные плечи, погладил белоснежную шелковистую кожу и посетовал:

– А ведь я доверял Агнесс! Она прожила у меня десять счастливых лет! И что я получил в благодарность? Предательство! Подлое предательство! Она помогла сбежать нескио и сбежала сама, прихватив с собой самое ценное, что у меня было! И вот теперь она разбивает и твою жизнь. Ты должна отомстить!

Домина чувствовала себя странно. Она не спала, но сознание плыло, дробилось и уплывало. Она не понимала, что с ней, но ей очень хотелось поверить графу и сделать все так, как он велит. И в охватившем ее трансе она послушно повторила:

– Я должна отомстить!

– Правильно! – одобрил ее Контрарио. – А чтобы тебе легче было это сделать, возьми этот кинжал. Он остро наточен и легко вонзится в тело Агнесс. Ты же знаешь все пути к поместью нескио, не так ли?

Она повторила, как вышколенный попугай:

– Я знаю все пути к поместью нескио.

– И ты убьешь Агнесс, когда она там появится! Но сначала узнаешь, куда она дела мое кольцо, что сорвала с моего пальца!

– Я убью Агнесс, когда она там появится, – мысли Домины разбежались, осталось одно желание – делать так, как велит граф. Других устремлений не было. – Но сначала узнаю, где ваше кольцо.

Граф зашептал ей на ушко, продолжая нежно гладить ее плечи жестковатыми пальцами:

– И когда у тебя в следующий раз появится Сильвер, ты тут же мне об этом сообщишь. Неподалеку, в таверне «Глашатай», у меня есть верный человек. Тебе нужно будет только послать свою служанку в таверну и сказать хозяину, его зовут Партам, что птичка в клетке. Запомнила?

– Да. Но Сильвер уехал на север и неизвестно когда вернется. – При мысли о Сильвере Домина на несколько мгновений вынырнула из липкой паутины гипнотического морока и испуганно взглянула на графа.

Но тот не допустил ускользания из-под своей власти новой неопитки. Он пристально посмотрел ей в глаза и приказал:

– Ты сделаешь все, что я тебе велел. И забудешь о том, что я здесь был. Забудешь все, кроме моего приказа.

Он поцеловал ее в губы и с гнусной усмешкой заметил:

– Ты сладкая девочка, Домина, но мне не нужны чужие ошметки. Поэтому живи и дальше так, как живешь. Вот если бы я увидел тебя первым, вполне мог бы забрать к себе в замок. Но теперь ты мне не нужна. Спи!

Домина упала в постель и уснула беспокойным сном.

Контрарио с насмешкой посмотрел на нее. Пусть он лишился Тетриуса, но умение оболыщать и властвовать у него осталось. И пусть ему поддаются только слабые души, но этих слабых душ не так уж и мало. Он спустился вниз, звонко щелкнул пальцами перед лицом уснувшей у порога служанки.

Та соскочила и в изумлении уставилась на него. Приказав ей открыть двери, он вышел из дома, вскочил на Берта и отправился к себе.

Служанка долго недоуменно смотрела ему вслед, не в состоянии постичь, как он пробрался мимо нее в дом.

Проснувшись, Домина ничего не помнила, но ее снедало какое-то странное томление. Она чувствовала, что должна что-то непременно сделать, но вот что? И когда?

Ранним утром в королевском дворце все были на ногах. Сильвер со своим небольшим отрядом в полной готовности уже ожидал Медиаторов у главного портика. Шесть выючных лошадей стояло неподалеку, их держали под уздцы серьезные грумы. Шесть крепких верховых лошадей гарцевали рядом со всадниками, оглаживающими их бока.

Вышедший из дворца Беллатор отозвал брата в сторонку и сказал:

– Я пошлю доверенного человека к Алонсо, он наденет на него браслет Зинеллы. Тот, на котором надпись: «носи меня, и яд тебе не страшен». Думаю, это пойдет ему на пользу.

Сильвер побледнел.

– Как я мог забыть об этом браслете! Я мог бы сам надеть его на руку друга!

– Мы все о нем забыли, братишка. Может быть, потому, что браслет предназначался женщине, а не мужчине. Но отец считает, что он не потеряет своих свойств и на мужской руке. Ты не волнуйся, я сделаю для Алонсо все, что смогу.

Сильвер посмотрел на терпеливо ожидающих его спутников и торопливо попрощался с братом:

– Спасибо! У меня будто камень с души упал. Я надеюсь, мы еще с Алонсо много раз будем стоять в битве плечом к плечу. Ну, прощай!

Они обнялись и Сильвер встал в строй.

Медиатор вышел вперед и кратко напутствовал уезжающих:

– Спешите, и да поможет вам Бог! И помните: если дорога окажется слишком трудной, возвращайтесь! Не нужно напрасно рисковать! Мы вас ждем!

После этих слов всадники вскочили на коней, грумы приторочили поводья выючных лошадей к седлам, и небольшая кавалькада двинулась к выходу из дворца.

Медиатор с Беллатором долго с печалью смотрели им вслед. Потом Беллатор пошел в королевскую казну, приказал отсчитать тысячу золотых, прикрепил внушительный кошель с золотом к своему поясу.

Затем пошел в оружейную, велел оружейнику сэру Ортесу отсчитать две сотни мечей и луков. Тот долго препирался, не желая их выдавать неизвестно кому, но после угрозы Беллатора рассказать о его неповиновении наместнику сдался.

Оружия было много, в одиночку Беллатору такая тяжесть была не по силам. Пришлось звать стражников и грузить оружие на телегу. После этого он вместе с ними отправился к Роуэну, вернее, к монастырю Фелиции.

Глава вторая

Беллатор поехал к монастырю Дейамор окружной дорогой, не желая привлекать к себе внимание разных сомнительных личностей, коих в столице развелось видимо-невидимо. И чья в том вина? Графа Контрарио или войны? Но страна войной пока что не разорена, значит, это происки графа. Нужно быть начеку.

Через полчаса из-за поворота показался монастырь во всей своей горделивой красе. Бело-снежные каменные стены и золотые кресты торжественно светились в лучах неяркого осеннего солнца. Беллатор спешил к воротам и назвал свое имя. Приехавшие с ним стражники последовали его примеру.

Отворившая ворота сестра в привычной черной рясе, смиренно склонив голову, предложила проводить его к настоятельнице, но Беллатор отказался.

– Я приехал к Роуэну. Он здесь?

Монахиня беспомощно оглянулась.

– Я не знаю. Он уходит и приходит, когда ему вздумается. Он даже на службы не ходит. – В ее глазах это было истинным святотатством. – Но я могу проводить вас к его жилищу.

Беллатор кивнул в ответ.

– Спасибо, сестра. Буду признателен. – И приказал стражникам сгрузить оружие в сторожке, потом вернуться во дворец.

Кротко сложив руки на животе, монахиня быстро пошла впереди мужчины по мощеному монастырскому двору и остановилась возле небольшого домика с резными ставнями на окнах. Несмотря на веселенький вид домика, от него веяло чем-то тяжелым, даже угрюмым. Поклонившись, монахиня поспешно удалилась, и Беллатор решительно постучал в двери.

Через некоторое время она открылась, и Роуэн в черной рубаше на голое тело, без камзола и кафтана, черных суконных штанах кривовато усмехнулся, увидев важного посетителя.

– А я-то думаю, кто так стучит повелительно? Монашки всегда стучат тихо, деликатно. Чем обязан? Если вы хотите послать меня с каким-то поручением, то напрасно теряете время. Я никуда не поеду. Это слишком опасно.

Настала очередь усмехнуться Беллатору.

– Ты боишься за себя или за кого-то?

Роуэн горделиво выпрямился.

– Вашей чести известно, что за себя я никогда не боялся.

– Вот именно. Я как раз по этому вопросу. Может, пригласишь войти?

Роуэн молча посторонился, пропуская Беллатора внутрь.

В небольшой комнате стоял служивший ложем длинный сундук с брошенным на него ветхим одеялом из пестрых лоскутов, грубо сколоченный дубовый шкаф с какой-то рухлядью, квадратный стол и два твердых неудобных стула. Неуютное холостяцкое жилье.

Роуэн указал на один стул, сам сел верхом на другой. Заметив интерес посетителя к своему скромному жилищу, саркастично поинтересовался:

– Маловата комнатка, вы считаете?

– Мне-то что, если тебе здесь нравится, – пожал плечами Беллатор. – Мне ведь здесь не жить. Но я к тебе пришел вот с каким предложением: война только начинается, все опытные воины если не ушли сейчас, то уйдут позднее. Наместник беспокоится о безопасности монастыря. Сил охранять его как подобает нет, а граф нагло, ничего не боясь, посягает на Фелицию. Медиатор предлагает тебе нанять каких-нибудь сорвиголов из городского отребья и составить из них монастырскую охрану. Селить их на территории монастыря вовсе не обязательно. Достаточно, если они займут круговую оборону за его стенами.

Роуэн испытывающе посмотрел на гостя и кивнул в знак согласия.

– Странно, что одна и та же мысль пришла нам обоим. Я давно об этом думаю. Но где взять деньги?

Беллатор отцепил от пояса и положил на стол тяжелый кошель. Золото глухо зазвенело.

– Здесь тысяча золотых. Надеюсь, этого хватит. Скрой их где-нибудь понадежнее. Оружие я привез, оно в сторожке.

Роуэн протяжно присвистнул.

– Тысяча монет? Этого на сто лет хватит. Или на целое войско.

– Трать, как решишь. Сам знаешь, в такую пору, как сейчас, экономить не след. Можно вообще безо всего остаться. И без жизни в том числе.

Роуэн взвесил в руке тяжелый кошель.

– Приятная тяжесть. – Перевел взгляд на опечаленного Беллатора и догадался о причине его подавленного настроения: – Я слышал, Сильвер уехал на север?

– Да. Мы с отцом проводили его сегодня, – Беллатор нервно улынулся, скрывая печаль.

Роуэн немного помолчал.

– Мне бы тоже стоило ехать с ним, но я не могу оставить монастырь.

Беллатор скептически хмыкнул.

– Передо мной можешь не притворяться и говорить прямо, что не можешь оставить Фелицию.

– Возможно, что и так, – обтекаемо признался Роуэн.

– Если бы удалось доказать, что ты наследник герцога Ланкарийского, ты принял бы титул? – Беллатор с силой потер ладони, пытаясь согреться в нетопленной комнате.

Роуэн встал, подбросил в потухший камин дров, разжег их, сел на стул напротив Беллатора и только потом небрежно ответил:

– Зачем он мне? Герцогом нужно родиться, чтобы знать, что делать. В жизни аристократов слишком много сложностей и обязанностей. Я же знаю только одно – мне хорошо здесь, и отсюда я никуда не уйду. Во всяком случае, добровольно.

Беллатор досадливо вздохнул.

– Я так и думал. Но нам хотелось, чтоб в стане врага у нас был лазутчик.

– Я бы им все равно не был, – Роуэн поморщился от этого предположения. – Я бы держал строгий нейтралитет. К тому же я герцогом быть не желаю. Не по мне это. Ответственность и власть слишком тяжелы для меня.

Беллатор кивнул, принимая его отказ.

– Дело твое, настаивать я не имею права. А что ты вообще знаешь об этом смутном завещании? Как считаешь, мог выжить прямой наследник или нет? Сам понимаешь, граф Контра-рио во главе дворянства – это кость в горле наместника.

– Но есть же еще нескио. У него равные права с графом.

– Если нескио станет герцогом, мы всей душой будем это приветствовать. Но если граф...

– Нескио в последнее время сильно изменился, – Роуэн слегка покачался на стуле. – Во всяком случае, ведет он себя необычно.

– В чем проявляются эти изменения? – насторожился Беллатор. – Возможно, я чего-то не знаю?

– Он стал слишком задумчив. И перестал обращать внимание на свою красивую любовницу. Более того, он поссорился с ней.

Беллатор понятиливо переглянулся с Роуэном.

– Для влюбленного мужчины это нормально.

В камине затрещали разгоравшиеся дрова. Роуэн встал, взял кочергу и перемешал угли. Потом глухо сказал, не глядя на Беллатора:

– Нескио не нужен титул. Если он, как я полагаю, женится на Агнесс, он и свой-то рискует потерять.

– Да, так написано в дворянском уставе. Но нескαιο это не остановит. – Беллатор мрачно усмехнулся. Ему вспомнилась маркиза Пульшир, для которой связь с ним всего-то недостойный ее происхождения мезальянс. Понимание, что стать его женой она никогда не согласится, вмиг отравило настроение. Он с трудом вернулся к теме разговора: – Поэтому он и не станет требовать себе герцогский титул. Для него это бесполезная трата времени.

Роуэн же в это время неистово завидовал нескαιο. У того был шанс найти и привязать к себе любимую женщину, а вот у него такого шанса не было и никогда не будет. Встряхнулся, отгоняя грустные мысли, и заявил:

– Вы правы, ваша честь. Но Агнесс исчезла. Думаю, именно потому, что не хочет подвергать нескαιο подобному риску.

– Возможно. Я ее совсем не знаю. Но теперь, когда мы поняли друг друга, я желаю тебе успехов, Роуэн.

– И я вам, ваша честь!

Беллатор вышел из домика Роуэна и, не дожидаясь его, направился к дому настоятельницы. Вошел без доклада в ее кабинет и остановился, увидев бледное лицо Фелиции и ее заплаканные глаза.

– Что произошло, тетушка? – он стремительно подошел к ней и заглянул в лицо. – Чем ты так обеспокоена?

– Все в порядке. Просто слишком много хлопот, устала немного, – не стала она делиться с ним своими волнениями. – Но ты же не зря приехал ко мне?

Беллатор не стал говорить ей о поручении Роуэну.

– Я хотел посоветоваться с тобой. Ты помнишь о браслете Зинеллы?

– Ты хочешь отдать его Алонсо? – проницательно сказала она. – Я и сама как раз думала об этом. Но поможет ли мужчине женский браслет? Нет, даже не так: Алонсо уже отравлен, причем отравлен крысиным смрадом. Вылечит ли его браслет? Мне кажется, браслет не допускает отравления, но не лечит, если отравление уже произошло.

– Нам нечего терять. Попробовать все равно нужно. Мне не нравится, что Сильверу не дали с Алонсо даже поговорить.

– Да, его однозначно чем-то опаивают. Но как передать ему браслет, если к нему никого не пускают?

– Только тайно. А это сделать сможет только... – Беллатор замолчал, многозначительно глядя на тетушку.

– Роуэн! – подхватила его мысль Фелиция. – Ты прав. Но вот только он никуда не хочет из монастыря уезжать. Он опасается нападения. – Она не сказала, кто может напасть на монастырь, но они оба это знали.

– Думаю, уже сегодня он сможет съездить к Алонсо. В принципе, поместье лэрда Патрема не далее чем в дне пути на добром коне. Уже послезавтра он приедет обратно. И, надеюсь, с хорошими вестями. А если воспользуется запасными лошадьми на подставах, то уложится в полдня в один конец. Но это тяжело. Хотя он на редкость вынослив. Мне за ним не угнаться.

Фелиция кивнула в знак согласия.

– Хорошо. Позови его ко мне, будь добр. Я попрошу его съездить к Алонсо.

– Я сам схожу к нему, тетя. Но не думаю, что он сможет сразу выполнить нашу просьбу. У него много неотложных дел, как он мне только что сообщил.

Настоятельница поняла, что он уже был у ее верного охранника, но ничего не сказала. У мужчин могут быть дела, в которые не стоит посвящать женщин.

Выйдя от нее, Беллатор вновь вернулся к домику Роуэна. Тот мрачно смотрел в сторону дома Фелиции, даже не моргая и о чем-то напряженно думая. Увидев посетителя, хмуро спросил:

– Ты что-то забыл?

– Нет. Просто тетя просила тебе передать, чтоб ты зашел к ней. У нее для тебя есть поручение. Нужно помочь Алонсо. – И Беллатор рассказал ему все, что знал от брата.

– Вот еще напасть на наши головы! – Роуэн сокрушенно взмахнул рукой. – Я съезжу к нему, но попозже. Прежде всего я займусь безопасностью монастыря.

Надев кафтан, он проводил Беллатора до привратничкой, дождался, когда тот сядет на коня и скроется с глаз, и только потом вернулся в свой дом. Кошель с золотом лежал на столе. Он развязал его, по столу тонкой струйкой потекли сверкающие монеты. Он взял несколько, покрутил в сильных пальцах и бросил обратно на стол. Монеты притягательно зазвенели, маня открывающимися возможностями.

Он тихо проговорил, с презрительным прищуром глядя на золото:

– Вот оно, настоящее богатство! Можно уехать и жить безбедно всю оставшуюся жизнь. Но только мне такое богатство ни к чему.

Роуэн отсчитал сто монет, положил в свой кошель, привязал его к поясу. Золото завязал, посмотрел по сторонам.

– Куда же мне его деть? Наверняка многие видели, что Беллатор зашел ко мне с кошельком, а вышел без него. Найдутся любопытные, примутся искать, что это за кошель. А я сделаю так!

Он вытряхнул из кошелька золото, переложил его в старый мешок из грубой рогожи. Туго свернул свой грязный кафтан, запихал его в кошель с королевским гербом. Кошель небрежно бросил возле сундука.

– Если будут спрашивать, отвечу, что Беллатор привез мне мой кафтан, который я оставил в трактире. Пусть гадают, что к чему! Если кто не поверит, пусть рыскает в моем доме в свое удовольствие.

Дождавшись, когда колокола на колокольне позовут монахинь на дневную молитву, взял мешок с деньгами. Осторожно оглядевшись, стремительно перебежал с ним в дом настоятельницы. Открыл тайник в стене, о котором знали только Фелиция и он. Аккуратно уложил в него золото и крадучись вышел, надеясь, что никто его не заметил.

Потом отправился по знакомым разбойным притонам и к вечеру набрал несколько сотен головорезов для охраны монастыря. Расставил их по укромным местам, раздал оружие и ушел к Фелиции, предвкушая неприятный сюрприз для графа.

Она встретила его словами:

– Наконец-то! Я уже боялась, что что-то случилось.

Он поклонился.

– Ничего не случилось, но дел много. Но теперь я свободен и готов выполнить ваше поручение.

Настоятельница легко встала из-за стола и подошла к шкафчику. Напрасно усмиряя неистово забившееся сердце, Роуэн жадно следил за ее грациозной фигуркой. Фелиция вынула из тайного ящичка тонкий золотой браслет и подала его своему верному охраннику.

– Этот браслет нужно отвезти к Алонсо и надеть ему на руку. Передавать его нельзя, я боюсь обмана. Мы с Беллатором уверены, что его чем-то опаивают. И ничего ему передавать не будут.

Роуэн взял браслет.

– «Носи меня, и яд тебе не страшен». – Он печально улыбнулся настоятельнице и добавил: – Перевод мне сообщил Беллатор. Я понял задание. Постараюсь сегодня же надеть его на Алонсо.

Фелиция посмотрела в окно на стремительно темнеющее небо.

– Но уже вечерет. Сегодня до поместья тебе не добраться.

– Ночь не помеха. Я поскачу по главной дороге, по ней вполне можно ехать и в полной темноте. И буду брать лошадей на подставах. Так что к утру я буду в поместье лэрда Патрема. И, надеюсь, смогу проникнуть внутрь через черный ход тайно, иначе мне до Алонсо не добраться.

Если уж Сильверу его показали только спящим, то меня дальше холла попросту не пустят. Да и то в лучшем случае.

– Хорошо. Ты лучше меня знаешь, что нужно делать. – Фелиция перекрестила его на дорогу. – Поспеш! И будь осторожен.

Он склонился перед ней в низком поклоне. Выпрямившись, обхватил ее жарким взглядом и стремительно ушел.

Фелиция чуть покраснела и укоризненно покачала головой. Ее беспокоила эта все чаще прорывавшаяся страсть.

К утру, как и предполагал, Роуэн был в поместье лэрда Патрема. Заря только занималась, в поместье царил тишина, только в птичнике горланили петухи, обещая скорый рассвет.

Дом лэрда ничем не отличался от загородных домов аристократов Терминуса. Сложенный из легкого песчаника, он состоял из внушительной главной части и двух боковых флигелей. Роуэн бесшумно обошел снаружи весь немаленький дом, пытаясь определить, где может быть спальня Алонсо. Со слов Беллатора, сказавшего ему, что Сильвера водили к Алонсо в заднюю часть дома, он знал, куда надо идти. Прошел к черному ходу и осмотрелся. Окон здесь было несколько десятков, похожих друг на друга, как близнецы.

Роуэн решил забраться в дом. Осторожно пробрался к кухне, где проще всего было выставить окно. Присмотрелся к низкому широкому окошку, но, едва к нему прикоснулся, рядом распахнулась маленькая неприметная дверца. Роуэн замер, стараясь слиться с серой стеной и радуясь, что на нем привычный черный камзол. Зевающая во весь рот крупная женщина в грубом коричневом платье с корзинкой в руке, не глядя по сторонам, отправилась в птичник за яйцами к завтраку.

Роуэн не мешкая проскочил в незакрытую дверь и, пригнувшись, чтобы быть незаметным, прошел на кухню.

На кухне вовсю топилась большая печь, рассеивая по помещению красноватые блики. Подле нее толклись два препирающихся поваренка в мятых, давно уже не белых, колпаках. Увлеченные своей сварой, стараясь перекричать друг друга, они ничего вокруг себя не замечали.

Роуэн бесшумно прошмыгнул мимо них. В коридоре распрямился и пошел уже во весь рост, пытаясь определить направление.

Из-за поворота послышался неясный шум, и он мгновенно нырнул под широкую скамью возле чей-то двери.

– Еще несколько дней, и преемником лэрда станет его второй сын, – говорил чей-то сиплый неприятный голос.

– А вы не боитесь, лекарь, что за друга может отомстить сын наместника? – ехидно спросил его собеседник. – Сильвер опасный человек.

– А кто что сможет доказать? Ведь отравлен-то был Алонсо именно в очередном походе с Сильвером. А что лечение пошло не так, никто не виноват. Мы же не знаем, каким ядом его отравили, следовательно, приготовить противоядие не смогли.

– А Алонсо вам не жаль? Он же превращается в мешок с отрубями.

– Что толку – жаль, не жаль? – бесстрастно произнес тот же неприятный голос. – Я только исполняю приказание господина. Если уж ему не жаль своего наследника, то кто я такой, чтобы что-то менять?

Роуэну страстно захотелось вынуть меч и снести голову подобному целителю. Но он сдержался, рассудив, что сейчас для мести не время и не место. Осторожно выглянул из-под лавки. Ноги, прикрытые длинными балахонами, удалялись от него в сторону правого коридора.

Он стремительно покинул свое убежище. Выглянув из-за угла, заметил, в какую дверь вошли прислужники лэрда. Оглянувшись по сторонам и никого не заметив, он на цыпочках пробрался вслед за ними. Дверь была чуть приоткрыта, и он услышал странный разговор:

– Вы уже встали, Алонсо?

– Как видите. – Ответил хорошо знакомый Роуэну голос, но хриплый и болезненный.

– Напрасно. Вы еще слишком слабы. – В голосе говорившего звучали неприязненные насмешливые нотки. – Прошу вас лечь. Сейчас я дам вам очень полезное для вас снадобье, оно поможет вам поспать еще немного.

Раздался звук льющейся воды. Роуэн осторожно приоткрыл дверь. В первой комнате никого не было, зато у стены стоял высокий дорожный сундук. Роуэн метнулся к нему и откинул крышку. Сундук до половины был наполнен одеждой. Не раздумывая, нырнул в него и прикрыл крышку, оставив щель с полдюйма.

Через некоторое время мимо прошли двое. Все тот же мерзкий голос сказал:

– Теперь он проспит до вечера. Но он стойко держится. Другой бы на его месте уже стал бессловесным дурачком, а он сопротивляется. Но это ненадолго. Скоро лэрд сможет объявить его сумасшедшим и передать право наследования второму по старшинству сыну.

Они вышли, и Роуэн поспешно выбрался из сундука. Подпер дверь стулом, чтоб никто не смог войти в покои Алонсо и прошел в другую комнату.

Это оказалась спальня. В широкой кровати под бархатным балдахином на спине спал одетый Алонсо, раскинув руки в стороны и трудно дыша. В комнате стоял удушливый запах лекарства, больше похожий на отраву. Роуэн решительно подошел к окну и распахнул его настежь, впуская свежий воздух. Потом потряс Алонсо за плечо, но тот только что-то промычал, не просыпаясь.

Выругавшись, Роуэн вынул из кармана браслет и с трудом натянул его на мощное запястье мужчины. Некоторое время ничего не происходило, и Роуэн было подумал, что приехал сюда зря. Размышляя, как бы ему незаметно вынести Алонсо из дома, где его хотят отравить, он подошел к окну и внимательно оглядел местность.

По двору уже ходили спешившие по своим делам слуги, и он понял, что сделать это будет крайне трудно. Придется идти с обнаженным мечом и убивать всех, кто попытается ему помешать.

И тут сзади раздался сиплый со сна голос:

– Роуэн, ты ли это?

Он стремительно обернулся. Перед ним стоял Алонсо, но в каком виде! Волосы спутаны, лицо желтоватое, под глазами черные тени.

– Что с тобой сделали? – не удержался он.

Алонсо с силой провел руками по лицу, прогоняя дрему.

– Не знаю. Я ничего не помню. А что?

Вместо ответа Роуэн подвел его к висевшему на стене зеркалу. Алонсо с ужасом уставился на свое отражение.

– Неужели это я? Я за это с ними расквитаюсь! – он в ярости выскочил в соседнюю комнату, схватил меч и устремился прочь из комнаты.

Роуэн попытался его остановить, но безуспешно. Алонсо промчался через весь этаж, выскочил в северное крыло и распахнул дверь в чьи-то комнаты. Роуэн едва успел за ним.

Пораженный лекарь поднялся навстречу. Увидев меч в руках своего подопечного, выставил вперед руки защитным жестом.

– Чем ты опаивал меня, негодяй? И по чьему приказу? – потребовал ответа Алонсо, наставив меч в грудь лекаря.

– Я ничем вас не опаивал, господин! – вскричал перепуганный лекарь. – Я вас лечил!

– Врешь! – вмешался в разговор Роуэн. – Я сам слышал, как ты говорил, что скоро Алонсо станет бессловесным дурачком. И что ты делал это по приказу лэрда!

Лекарь побледнел, попытался сделать шаг назад. Зарывав, Алонсо взмахнул мечом и распорол ему живот. Тот упал наземь, дико заверещав от невыносимой боли.

– Сдохни, как собака! – прорычал Алонсо и повернулся к Роуэну.

– Где Сильвер?

Роуэн всмотрелся в его искаженное яростью лицо.

– Ты все-таки отравлен. Феррун обещал помочь, но теперь он в Мерриграде.

– Что он там делает? – прохрипел Алонсо, вращая красноватыми от приступа неистовой ярости глазами.

– На барона Меррика напали имгардцы, ему на помощь ушло ополчение.

– И Сильвер там?

Роуэн заколебался. В глазах Алонсо сверкал странный злой огонь, это настораживало. И он сказал обтекаемо:

– Нет. Сильвер во дворце. Наместник на этот раз счел нужным отправить во главе королевской стражи Криса.

– А во главе войска стоит нескио? – Алонсо возмутился так, будто его кто-то оскорбил.

– Да, – не счел нужным скрывать Роуэн. – Но ты сможешь к нему присоединиться, если захочешь.

– Я не хочу воевать под началом нескио! – снова сорвался на крик Алонсо. – Я еду во дворец к Сильверу!

В комнату, привлеченные воплями, вбежали слуги и замерли, увидев корчащегося в агонии лекаря.

Подняв меч, Алонсо принялся наступать на них.

– Кто из вас помогал ему травить меня? Кто хочет моей смерти?

В комнате вмиг стало пусто.

Роуэн подумал, что пусть уж лучше Алонсо едет во дворец, чем беснуется здесь. Там есть кому дать ему отпор. Да и Феррун, раз обещал, попытается его вылечить, когда вернется.

Алонсо выскочил из комнаты, Роуэн помчался за ним. Велев оседлать своего коня, Алонсо в бешенстве принялся метаться по площадке возле конюшни, круша мечом все, что попадалось под руку.

Роуэн с горечью наблюдал за ним.

– Предатели, все предатели! – неистово вопил Алонсо, ругая медлительного конюха.

Через несколько минут ему подвели оседланного коня. Он с лязгом вставил меч в ножны, вскочил на лошадь и помчался вперед, не дожидаясь своего спасителя.

Роуэн вернулся к своей лошади, привязанной возле паркового фонтана. Решив, что Алонсо ему все равно не догнать, спокойно поехал обратно. На подставе узнал, что грозный всадник за час до него поменял коня и уехал.

Роуэн пересел на свежую лошадь и направился в монастырь, надеясь, что за время его отсутствия там ничего не случилось.

Выехав из монастыря, Беллатор приказал стражникам отправляться во дворец, а сам быстрым галопом поскакал к маркизе Пульшир. Чем ближе был ее дом, тем сильнее билось его сердце. Чтоб совладать с расхोдившимися нервами, он был вынужден остановиться в полумиле от ее дома и глубоко вздохнуть.

И что это с ним такое? Никогда при самой большой опасности он не терял присутствия духа, что теперь заставляет его волноваться, да еще так неистово? Любовь? Он насмешливо усмехнулся. Какая может быть любовь между мужчиной и женщиной, которая годится ему в матери? Может быть, она просто напомнила ему покойную мать?

Прикрыв глаза, вспомнил прелестный образ матери. Нет, маркиза на нее совсем не похожа.

Встряхнувшись, приказал себе не мандражить и ударив пятками в бока коня, пуская галопом. Вскоре он уже стоял в гостинной маркизы и ждал, когда она выйдет к нему.

Ожидать ему пришлось не более пяти минут. Маркиза спустилась к нему озабоченная и бледная. На ней было простое, но изящное платье из серой тафты с белой кружевной шемизеткой.

– Надеюсь, вы ко мне не с дурными вестями? – боязливо спросила она его, наскоро сделав реверанс.

У Беллатора упало сердце. Она его не ждала! А ведь он на это надеялся. Не признавался в этом самому себе, но мечтал, что она также беспрестанно думает о нем, как и он о ней. Но проговорил спокойно, даже равнодушно:

– Нет. Насколько я знаю, с вашим сыном все в порядке.

С облегчением вздохнув, маркиза предложила ему присесть и сама села напротив. Прозорливо предположила:

– Тогда ваш визит вызван одним: вы хотите еще что-то выяснить о том похищении. Теперь уже двойном похищении.

– У меня двойная цель, маркиза, – кривовато усмехнулся Беллатор, решив больше не таить свои чувства. – И личная, и государственная. С какой начать?

Она откинулась на спинку кресла и опасливо ответила:

– Мне странно слышать от вас подобные вопросы, ваша честь. Конечно, государственные вопросы важнее личных.

– Я тоже думал так раньше и всегда осуждал тех, кто поступал иначе. Но теперь я их вполне понимаю. – И Беллатор пылким взглядом посмотрел на маркизу.

Она выпрямилась и застыла, сурово глядя на него, безмолвно запрещая ему продолжать.

– Но, если вы настаиваете, начнем с государственных, – выполнил он ее желание. – Маркиза, Фелиция считает, что герцогиня родила девочку. Это так?

На прямой вопрос и отвечать нужно было прямо, но маркиза все-таки помедлила.

– Да, – это прозвучало неохотно и как-то болезненно.

– Но почему вы прежде не сказали мне об этом?

– Мне было стыдно! – она порывисто поднялась и подошла к окну, отвернувшись от гостя. Щеки горели, и она приложила к ним прохладные пальцы, стараясь утишить жар. – Ведь что стоило мне взять ее к себе и воспитать под видом дальней родственницы! Ведь она моя единственная племянница, дочь моего любимого брата! Но я поступила низко и безнравственно, отдав ее в чужие руки. Я уверена, из моего дома ее никто бы похитить не посмел. Но я боялась. Боялась мужа, боялась отца, который бы обо всем догадался.

– Понимаю, – суховато заверил ее Беллатор. – Как выглядела девочка?

– Хорошенькая блондинка, очень похожа на свою мать. Милая улыбка, ровные зубки. Для купеческой семьи она была слишком хороша. Потому ее и похитили.

– Похищают хорошеньких девчонок для притонов самого гнусного пошиба, – глухо, но без укоризны проговорил Беллатор.

– Я это знаю! – вскричала маркиза, заламывая в отчаянии руки. – Поэтому я и не могу ночами спокойно спать. Мне все снится она, такая нежная и невинная в руках низкого развратника.

Беллатор вздохнул.

– Если она попала в подобный притон, то вряд ли жива. Но мы все равно будем искать.

Маркиза тихо всхлипнула и тут же подавила стон. Беллатор встал с кресла и подошел к ней. Остановился на расстоянии вытянутой руки и сочувственно произнес:

– Вы страдаете, я вижу. К сожалению, никому не дано поправить прошлое.

Маркиза закрыла лицо руками и печально призналась:

– Я много раз мечтала перенестись в прошлое с помощью королевского трона и предупредить ту глупую и наивную девчонку, какой я когда-то была.

– И что бы вы ей сказали? – Беллатор подвинулся чуть ближе, но маркиза не обратила на это внимание, обратившись в далекое прошлое.

– Во-первых, не выходить замуж за маркиза Пульшира, бежать от него, как от огня. И пусть это значило послушаться отца, но, зная, какую мне предстоит прожить отвратительную жизнь, я бы уговорила его отказать маркизу. А еще я не должна была верить маркизу Белевотто. И, конечно, спасти своих братьев.

– Но почему вы заговорили про трон? – Беллатор встал уже вплотную к ней и с трудом удерживался, чтобы не заключить ее в свои объятия.

– В моей семье есть предание, что с помощью трона можно перемещаться во времени, – ее голос звучал глухо от непрерывно льющихся слез. – Разве вы не знаете эту легенду?

– Да, я слышал что-то такое. Если верить ей, то мой глупый брат просто затерялся где-то во времени, а вовсе не мертв. Но давайте поговорим о нас.

Он взял маркизу за руку и интимно поцеловал ее ладонь. Она попыталась отобрать руку, но он не дал.

– Опомнитесь, Беллатор! – неистово взмолилась она, боясь самой себя. – Вспомните, кто перед вами!

Беллатор взял другую руку и нежно поцеловал.

– Мне не нужно вспоминать, я и так вижу, что передо мной самая прелестная женщина, какую я знал в своей жизни.

Маркиза вырвала у него руки и вытянула их перед собой, упершись в его грудь, пытаясь защититься от опасной ласки.

– Я не женщина! Я преступница! – вырвалось из глубины измученной души.

– Уже лучше! – одобрил ее слова Беллатор, положив свои ладони поверх ее дрожащих пальцев. – Я боялся, что вы начнете говорить о разнице в возрасте и прочей ерунде.

– Это не ерунда! – маркиза посмотрела в его лицо, увидела счастливую улыбку и растерянно улыбнулась в ответ.

– Для меня это не имеет никакого значения, – проникновенно заверил он ее.

– Но имеет для меня! – маркиза побледнела, на ее ресницах висела слеза.

Она порывисто отошла от него на несколько шагов и опустила в кресло.

– Вы хотите, чтоб я ушел? – спросил Беллатор, пристально глядя в ее лицо.

– Да! – ее ответ казался твердым, но пальцы нервно перебирали бахрому шелковой шали.

– Я вам не верю! – Беллатор встал перед креслом на одно колено и двумя ладонями повернул к себе ее опущенное лицо. – Скажите мне, глядя в глаза: уходи, я не люблю тебя!

– Как вы можете быть таким безжалостным! – маркиза пыталась отстраниться. В глаза ему она смотреть не могла, боялась, что там он увидит совсем не то, что говорят губы.

– Приходится, – жестко ответил он. – Время так сжалось, нужно так много успеть за столь короткое время, что порой приходится быть безжалостным. Если я не буду жестоким, мы с вами никогда не узнаем, что такое счастье.

– Это будет мимолетное счастье, – прошептала она и поднялась, не желая быть в столь непристойной близости от мужчины.

– Пусть мимолетное, но это будет счастье! Наше счастье! – не слушая больше пустых возражений, Беллатор уверенно встал перед ней.

Прижал к себе и принялся жадно, с исступлением целовать. Маркиза стояла молча, не протестуя и не возражая. Внутри нее бушевал пожар, который она безуспешно пыталась погасить.

Оторвавшись от нее, Беллатор требовательно заявил:

– Я останусь здесь. На ночь. Ваши слуги будут болтать?

Искоса взглянув на него, маркиза тотчас опустила глаза. Ей было стыдно, но сил отказать ему у нее не нашлось. Еле слышно произнесла:

– Не думаю. Я хорошо им плачу. К тому же они почти все служат у меня много лет.
– Тогда они будут рады за вас.

– Рады? – она с удивлением посмотрела на него. – Чему?

– Вашему счастью. Если б вы согласились, я бы с радостью женился на вас.

Маркиза была шокирована. Вскинув руку, будто отводя от себя эти слова, начала:

– Ваша честь...

Он прервал ее:

– Я Беллатор. Кстати, как зовут тебя? Прости, но я не знаю.

– Росита. – Ее ответ был еле слышен.

– Роза? Прекрасный цветок. И красивое имя. – Он поцеловал тонкую сеточку вен на ее запястье, интимно, как любовник.

Маркиза снова стыдливо опустила глаза.

– Вы ведете себя так, будто вам не знакомы мужские ласки, – догадливо заметил Беллатор. – Муж вас не ласкал?

Маркиза зарделась. Краска пробежала по щекам, по шее, и остановилась где-то в области груди. Беллатор проследил за ней и торопливо отвел глаза. Его выдержка была на пределе.

Маркиза с трудом выговорила:

– Мой муж... Он был таким же, как и сын. Ему трудно было любить женщин. Но он пытался любить меня. Но всегда делал это через силу.

Беллатор брезгливо поморщился.

– Я всегда говорил, что наша аристократия вырождается. Это не имеет отношения к вам, моя дорогая, я никогда не слышал ничего плохого о роде герцога Ланкарийского, так же как и о роде нескио, но Пульширы, Сордиды, Белевотто, – откровенные развратники. – Я уж молчу о роде Контрарио...

– Дурная кровь... – обреченно прошептала маркиза, – у меня она тоже дурная. И не пытайтесь доказать обратное.

Он плотнее прижал ее к себе и прошептал на ухо:

– Я не собираюсь никому ничего доказывать, дорогая. Я просто хочу тебя любить.

В комнату настойчиво постучали. Беллатор торопливо отошел от маркизы и, заложив руки за спину, принялся пристально смотреть в окно. Проведя рукой по лицу, будто стирая румянец, она разрешила:

– Войдите.

Вошел упитанный мажордом в голубой с черным ливрее цветов маркизов Пульшир. На его толстой шее висел массивный золотой ключ, которым он весьма гордился. Окинув пламенеющую хозяйку и ее гостя подозрительным взглядом, величественно поинтересовался:

– Время ужина, маркиза. Какие будут приказания?

Если он и заметил, что хозяйка слишком уж смущена и растеряна, то, как и полагается вышколенному слуге, вида не подал.

– Накройте ужин в малой столовой на две персоны.

– Благодарю вас за милостивое приглашение на ужин, маркиза. – Учтиво поблагодарил Беллатор специально для ушей мажордома. – Я с самого утра ничего не ел.

Слабо улыбнувшись, маркиза добавила:

– И приготовьте голубую гостевую комнату для нашего гостя.

Поклонившись, мажордом ушел. Беллатор проводил его подозрительным взглядом: уж очень ему не понравился алчный блеск любопытных поросячьих глазок. Но стоило ему перевернуть взгляд на маркизу, как он тотчас забыл о неприятном человечке.

Положив руки на тонкую талию маркизы, Беллатор снова привлек ее к себе, поцеловал в губы и настойчиво спросил:

– Надеюсь, мне не придется блуждать по всем этажам в поисках твоей спальни, Росита?

Маркиза нервно сглотнула.

– Она напротив гостевой комнаты, вычурная резная дверь сплошь отделана серебром по приказу моей свекрови, которая тоже доживала здесь свой век. – И вслух сказала то, о чем только что подумал Беллатор: – Мне кажется, мажордом обо всем догадался.

Мужчина кивнул, беря ее за руку. Ему хотелось прикоснуться к ней, целовать без боязни, обнять так крепко, как хочется. Но этого он себе позволить не мог. Пока не мог.

– Наверняка, если уж он не совсем дурак. Главное, чтоб не болтал.

Маркиза с сомнением прикусила губу.

– Не знаю. Это единственный человек из всей моей челяди, которому я не доверяю. Я взяла его по настойчивой рекомендации сына. Подозреваю, что он шпионит за мной. Но для чего эту нужно, не понимаю. Кстати, я должна извиниться за слишком скудный ужин. На гостей я не рассчитывала.

– Мне все равно. Я не голоден. – Беллатор с сожалением посмотрел на ее губы. Ему не хотелось есть, его терзал голод совсем другого свойства.

Мягко высвободившись из его объятий, маркиза отошла на приличное расстояние. Следуя этикету, предписывающему сделать все, чтоб гость не заскучал, учтиво осведомилась:

– Вы любите музыку? Может быть, мне стоит вам сыграть и спеть, пока не подадут ужин? – маркиза никак не могла заставить себя называть своего гостя просто Беллатором и обращаться к нему на «ты».

– Буду рад, – кратко откликнулся тот и устроился рядом с клавесином. – Я могу переворачивать ноты.

– Вы умеете играть? – удивленно приподняв кончики губ, переспросила маркиза.

Он кивнул, не сводя с нее глаз.

– Пока мать была жива, она с братом учила нас играть на клавесине. Кое-что я еще помню.

– Я знала Оливию. Это была прелестнейшая женщина. Умная, красивая, неимоверно очаровательная. Когда они с Фелицией стояли рядом, отдать кому-либо предпочтение было невозможно. С ними невозможно были соперничать. Да я и не знаю никого, кто бы пытался это сделать. – Маркиза открыла крышку, поставила на подставку ноты и ласково провела рукой по клавишам. Тихо призналась: – Музыка единственное мое утешение. В ней я нахожу забвение, – негромко призналась она и, взяв несколько аккордов, запела.

Голос у нее был не сильный, но мягкий и нежный. Беллатор подумал – чарующий. Такой же красивый, как вся эта необычная женщина. Он заслушался. Певица пела старинную народную балладу о дожде, бесконечно стучавшем по соломенной крыше старого бедного домика, дожде безрадостном и однообразном, как прошедшая мимо жизнь.

Прерывая печальную мелодию, снова вошел горделивый мажордом. Маркиза повернулась к нему и, дождавшись привычных слов «ужин подан», встала и бесшумно закрыла крышку клавесина. Беллатор подал ей руку, и они чинно отправились в малую столовую.

Ужин был легкий, на монастырский манер. Маркиза извинилась:

– Простите, ваша честь, – Беллатор не протестовал, за спиной стояли лакеи, готовые подать все, что потребуется, и, конечно, наблюдающие за ними, – вы наверняка привыкли к более сытным трапезам, чем эта, но я всегда на ночь ем совсем немного. И это все, что мой повар сумел приготовить для вас за столь короткое время.

– Я вполне сыт, маркиза, не беспокойтесь, – учтиво ответил Беллатор. – И передайте мою благодарность повару, ему удалось накормить голодного странника.

После ужина они притворно распрощались, и мажордом торжественно проводил гостя в отведенную для него голубую комнату. Поблагодарив его, Беллатор умылся из серебряного таза, полного теплой воды и призадумался.

Покои маркизы он определил сразу по вычурности отделки на дверях. Но вот пристойно ли будет идти к ней так сразу? Наверняка она, как обычно, готовится ко сну с помощью своей камеристки. Придется подождать.

С трудом дождавшись темноты, он крадучись прошел по коридору и бесшумно толкнул дверь с пышной серебряной аппликацией. Она легко отворилась.

Беллатор зашел в одну темную комнату, видимо, будуар, прошел в другую, такую же темную. Пусто.

В его голову пришла жестокая мысль, что его обманули, и теперь ему придется бродить в поисках маркизы по всему особняку, потому что так просто он не сдастся. Но дверь в противоположной стене распахнулась, и в круге мерцающего света появилась маркиза, держа в руке одинокую свечу в серебряном подсвечнике.

Беллатор кинулся к ней. Забрав из ее ослабевших рук подсвечник и поставив его на стол, он нетерпеливо стащил с нее ночной чепец и распустил светлые волосы. Нежно поцеловав ее закрытые веки, подхватил на руки и отнес на разобранную постель. Пылко поцеловал в губы и снял с нее тонкую ночную сорочку. Он хотел подарить ей самую изысканную близость, на какую только был способен, но не смог совладать с собственным телом, как незрелый мальчишка.

Через несколько промелькнувших как одно мгновение минут он упал рядом с ней и со стыдом прошептал:

– Прости, моя дорогая. Никогда не думал, что можно так опростоволоситься. Но я постараюсь исправиться, только дай мне немного времени.

– А что случилось? – маркиза была и удивлена, и обеспокоена.

– Что случилось? – Беллатор сразу обо всем догадался. – Извини, но муж когда-нибудь пытался доставить тебе удовольствие?

– Э... – похоже было, что маркиза даже не представляла, о каком удовольствии может идти речь. – Ну, он дарил мне драгоценности...

Беллатор хрипловато рассмеялся.

– Тогда мне придется учить тебя искусству любви. Я рад. – И он принялся ласкать ее нежно и упорно.

Под утро они забылись легким освежающим сном. Первым проснулся Беллатор и испугался: утро было в разгаре. Яркое светило солнце, его лучи, проникая в спальню, осветили ее неброское убранство: комод красного дерева, туалетный столик, зеркало в золоченой раме, от которого по всей комнате разбежались веселые яркие зайчики.

Он посмотрел на любимую. Росита безмятежно спала. От ночных ласк ее лицо размянилось, она казалась такой молодой и незащищенной, что Беллатор прерывисто вздохнул.

Как много бы он отдал за то, чтобы эта женщина жила в королевском дворце как его законная супруга. Чтобы встречала его после тяжелого дня ободряющей улыбкой, чтобы делила с ним его успехи и поражения, и, конечно, такие вот страстные ночи. Но это невозможно, она считает, что подобный брак невозможен.

Хотя кто знает? Жизнь удивительная вещь, и порой в ней случаются настоящие чудеса. Вот только произойдет ли подобное чудо с ними, или им не суждено быть счастливыми?

Но ему пора уходить. В спальню в любой момент может зайти камеристка маркизы и увидеть их в постели. Этого допустить никак нельзя, он не может позволить, чтоб из-за него пострадала репутация дорогой ему женщины. Бесшумно одевшись, Беллатор выскользнул из покоев Роситы. Уединился в гостевой комнате, лег в постель, делая вид, что всю ночь провел здесь и с тоской подумал о скором отъезде.

Через некоторое время лакей в такой же ливрее, что и мажордом, только без золотого ключа на шее, передал приглашение от хозяйки дома позавтракать вместе с ней. Беллатор про-

шел в столовую и обнаружил за столом немного смущенную маркизу с прелестным румянцем на щеках.

Она улыбнулась ему и пригласила за стол. Он поцеловал ей руку, чуть заметно ее пожав, и устроился напротив.

– Надеюсь, мой повар исправил вчерашний недочет и завтрак вам покажется более приемлемым, чем вчерашний ужин, – с натянутой улыбкой произнесла хозяйка, глядя куда-то вбок.

За их спинами стояли лакеи, поэтому Беллатор ответил так же отчужденно, как и она:

– Не наговаривайте на своего повара, маркиза. Вчерашний ужин был весьма неплох.

Эти слова прозвучали с двусмысленным намеком, и маркиза с подозрением посмотрела на своего гостя. Его ласковая улыбка рассеяла ее подозрения, и она невольно перевела дух.

Принесли закуски с первой переменной блюд, и Беллатор решил, что повар не спал полночи, беря реванш за скромный ужин.

– Как вам спалось, ваша честь? – после первой перемены нужно было о чем-то говорить, и маркиза задала ему самый обычный вопрос.

Не удержавшись, Беллатор послал ей жаркий взгляд, но ответил спокойно:

– Прекрасно. Здесь очень тихо. Во дворце всегда слышен какой-то шум под окнами.

– Нас в поместье всего пятнадцать человек, вместе со мной. Конечно, у нас тихо.

Беллатору впервые в голову пришла неприятная мысль: а в безопасности ли здесь маркиза? Обеспокоенно спросил:

– Вас никто из бродяг не тревожил?

Маркиза взяла серебряную вилку, осторожно воткнула ее в запеченную под золотистым соусом куропатку и нехотя ответила:

– Лет десять назад, когда я только-только сюда переехала, на дом напали разбойники. Но их быстро прогнали. Мне кажется, они были уверены, что дом пустует. С той поры подобных случаев не было. – И она подняла на Беллатора мягкий взгляд, безмолвно прося его ничего ей не предлагать.

Но он не внял ее молчаливой просьбе.

– Может быть, вам стоит перебраться во дворец, он практически пустует? – с беспокойством глядя на нее, даже не предложил, а потребовал. – Я подберу для вас подходящие апартаменты, не уступающие по размерам этому дому. Там вам будет спокойнее. Сейчас в столице развелось слишком много разной швали. И на данный момент сил разобраться с разбойниками у наместника нет. Вы же знаете, королевская стража почти в полном составе ушла к Мерриграду на защиту страны.

Маркиза помедлила, прежде чем ответить. Беллатор прекрасно знал, о чем она думала: во дворце он сможет беспрепятственно приходить к ней, когда ему вздумается. Что ж, в этом она была права. Ему и в самом деле этого отчаянно хотелось.

– Благодарю вас за заботу, ваша честь. Но мне приятнее жить в собственном доме. – Мягко извинилась она, понимая, что обижает его этим отказом.

– Как вам будет угодно, маркиза, – его голос звучал сухо, и она осознала, что он недоволен. Но ей не хотелось попадать от него в столь полную зависимость. – Но обещайте мне, что немедленно уедете во дворец, лишь возникнет хоть малейшая опасность. Вы можете взять с собой весь свой штат прислуги. Насколько я понял, они все у вас очень давно?

Никто из лакеев не сделал ни жеста, но Беллатор был уверен, что они слушают его слова с предельным вниманием.

– Хорошо, – согласилась маркиза, ведь согласие ни к чему не обязывало, – если возникнет необходимость, я так и сделаю.

Завтрак подошел к концу. Беллатор надеялся, что перед расставанием Росита останется с ним наедине, но она, похоже, твердо решила этого не допустить.

Тогда он предложил сам:

– Вы не покажете мне на прощанье свой розарий? Отец увлекается розами и разыскивает новые сорта для своего. Возможно, я что-нибудь найду у вас. Если вы не против, конечно.

Увлекаться розами в такое смутное время было по меньшей мере странно, но маркиза ничего не сказала по этому поводу. Она прекрасно понимала, что розы – только предлог, чтоб остаться с ней наедине.

– Конечно, с удовольствием! – ответила, как и положено гостеприимной хозяйке. – У меня в самом деле есть интересные сорта, выведенные моим садовником.

Они вышли в парк и, неторопливо беседуя о пустяках, как и положено малознакомым людям, направились к розарию. Если маркиза надеялась, что там будет садовник с помощниками, то ее надежды не оправдались. Розарий был пуст. Едва они зашли в закрытый павильон, как Беллатор взял ее за руки и требовательно спросил:

– Когда мы с тобой увидимся вновь? И учти, отказов я не приемлю!

Маркиза, желавшая и впрямь сказать, что встречаться им больше не нужно, что это ни к чему и попросту неприлично, стусевалась.

– Нам с тобой и вправду не должно больше встречаться! – ее голос звучал неуверенно и даже беспомощно. – Это нехорошо.

– Тебе было плохо со мной этой ночью? – прямо спросил он.

Она покраснела, но ответила так же откровенно:

– Вы прекрасно знаете, что нет! Вы открыли мне такие стороны жизни и наслаждения, о которых я и не подозревала. Но...

– Тогда никаких «но»! – резко прервал он ее. – И зови меня просто Беллатор, – потребовал он и страстно пообещал: – Я не могу приезжать каждый день, но буду делать это так часто, как смогу. Твое окно на первом этаже, забраться в него никакого труда не составляет. Я буду оставлять свою лошадь неподалеку и приходить к тебе. Когда от тебя уходит твоя камеристка?

– У меня нет камеристки. Я не люблю, когда меня касаются чужие руки. Предпочитаю все делать сама.

– Нет камеристки? – досада рвала его на части. – Вот черт! Значит, я сегодня зря ушел от тебя так рано! Да и вчера медлил напрасно. – В его голосе звучали страсть и досада.

Маркиза музыкально засмеялась. Проснувшись сегодня утром в одиночестве, она и сама испытала те же чувства, так что теперь они квиты.

– Хорошо, что у тебя нет камеристки. Тогда прийти к тебе будет гораздо проще. Как стемнеет, буду стучать к тебе в одно из окон твоей спальни, они вон там? – он указал на несколько окон от угла. Маркиза подтвердила его предположение кивком головы, и он продолжил: стучать буду условным стуком, вот так, – и Беллатор трижды с интервалами постучал по скамейке. – Запомнишь?

– Но, ваша честь, вы...

– Не говори мне «вы»! – не стал он слушать ее бессмысленные отговорки. – После нынешней ночи это просто смешно!

– Милый мой, – маркиза не знала, смеяться ей или плакать, – неужто ты думаешь, что мне в окно стучится столько народа, чтоб мне нужно было запоминать условный стук?

Беллатор сжал ее в крепких объятиях и благодарно поцеловал.

– Я рад, что у меня нет конкурентов. Надеюсь, прислуга не примет меня за вора?

– Конечно, нет. – Она нежно провела кончиками пальцев по его щеке. – Если ты будешь вести себя достаточно осторожно.

– Я всегда осторожен, – заверил он, перехватывая ее пальцы и целуя нежные подушечки. – а теперь подари мне на прощанье розу. Лучше алую.

Она посмотрела по сторонам. В розарии было много красных роз, но вот чем их срезать? Она не знала, где садовник хранил свои инструменты. Беллатор понял ее затруднение без слов.

– Ты выбери розу, а я срежу ее своим кинжалом.

Маркиза подошла к пышному кусту с крупными ярко-малиновыми цветами.

– Это мои любимые розы. Они не алые, но, надеюсь, понравятся тебе. У них необыкновенный запах.

Она выбрала полураспустившийся бутон, и Беллатор, вынув из ножен кинжал, аккуратно отделил цветок от стебля. Затем воткнул его в петлицу.

– Меч и роза. – Маркиза печально посмотрела на него. – Это так удручает.

– Такова наша жизнь. Нам ее не изменить. Остается использовать те крохи счастья, что нам перепадают. – Беллатор крепко поцеловал ее, давая понять, кого он считает своим счастьем, и попросил: – Жди меня. Надеюсь, я смогу приехать к тебе скоро. Хорошо, что ты живешь недалеко от дворца, а не в поместье маркиза Пульшира. И запомни: если что-то случится, а меня не будет рядом, обращай за помощью к Фелиции. До нее легко добраться, и пропускают к ней всех и сразу, не то, что во дворец. Она в любом случае сможет помочь.

Он ушел. Росита горестно посмотрела на куст, с которого подарила ему розу, и присела на ближнюю скамейку. Из глаз сами собой закапали слезы. Она не знала, как их остановить.

Маркиза никогда не плакала, какое бы горе не случилось в ее жизни, муж даже называл ее воином в юбке. И вот теперь, когда, на поверхностный взгляд, ничего плохого не случилось, слезы прорвали плотину в ее сердце.

Что она наделала? Зачем позволила соблазнить себя этому вкрадчивому красавцу? Ей не верилось в его любовь. Она слишком стара для него. Но как было ему отказать? Она только женщина и, как выяснилось, женщина слабая. Господь послал ей искушение, и она не смогла ему противостоять. Впервые в жизни оно оказалось ей не по силам.

Маркиза принялась молиться, прося Господа сжалиться над ней и не искушать ее больше. Пусть Беллатор найдет себе другую возлюбленную, достойную занять подобающее место в его сердце, его жизни и его постели. Она же этой чести недостойна. Скоро, очень скоро ей придется ответить за все свои грехи. И не след ей тянуть за собой в геенну огненную молодого сильного красавца.

Беллатор не знал о ее сомнениях, иначе повернул бы вспять, чтоб их развеять. Он несли ко дворцу весь во власти пережитого наслаждения. Он предполагал, что будет хорошо, но не думал, что настолько. Это чувство могло называться только одним словом: блаженство!

Примчавшись во дворец, бросил поводья выскочившим навстречу конюхам и побежал к отцу. Во всем теле была необыкновенная легкость, будто у него за спиной выросли крылья. Но, едва взглянув в темное лицо Медиатора, понял: случилось что-то неприятное.

Враз посерьезнев, обеспокоенно спросил:

– Чем ты обеспокоен, отец? Снова появился Контрарио?

– Нет. Объявился Алонсо. – Наместник был откровенно зол. – Вел он себя совершенно неподобающе. Я возмущен.

Беллатор насторожился.

– Алонсо? И что? Он вздумал ехать вслед за Сильвером?

Медиатор проговорил, едва удерживаясь от крика:

– Он не только вздумал, он уже уехал!

– Дьявол! Как не вовремя! – Беллатор с силой стукнул кулаком по раскрытой ладони. – Каким он тебе показался?

– Совершенно неуправляемым. Если раньше он еще владел собой, то сейчас нет. Он вопил, как рыночная торговка. И выглядел просто ужасно – лицо серое, глаза впали. Похоже, за время пребывания в имении лэрда его болезнь только усилилась.

– Неужели Роуэн не успел передать ему браслет?

– То-то и оно, что успел. Он потому и приехал, что отравы, которой его пичкали в доме отца, утратила свою силу. Он очнулся и все вспомнил. Но нам-то от этого не легче. От крысиного смрада браслет его не излечил.

Беллатор испугался за брата.

– Отвратительно! Если его болезнь становится все глубже, в тяжелом походе он Сильверу только навредит. И что же ты сделал?

– Дал ему снаряжение. Иначе он поехал бы без него и стал бы откровенной обузой. Но теперь жалею об этом. – И Медиатор раздраженно топнул ногой в туфле из тонкой кожи козленка, выплескивая недовольство собой.

Беллатор поспешил успокоить огорченного отца:

– Ты все сделал верно. Я понимаю, его было не остановить.

Лицо Медиатора стало жестоким.

– Если только убить. Но на это я пойти не мог, он лучший друг моего сына и много раз спасал ему жизнь. У меня была мысль посадить его в темницу, но под каким предлогом? Понимаю, что это было бы лучше всего, но не смог.

Беллатор припомнил, как по приказу наместника его с братом без всяких вопросов бросили в темницу. Медиатор вспомнил то же самое.

– Тогда были другие обстоятельства, – извинительно произнес он. – Хотя, возможно, мне нужно было проявить твердость и все же приказать заточить Алонсо в темницу. Хотя бы за то, что он кричал на меня.

Сын положил сильную руку отцу на плечо и уверенно пожал.

– Мы не знаем, чем может обернуться наша доброта или жестокость. Кто знает, возможно, тем, что снарядив в дорогу Алонсо, ты тем самым спас жизнь Сильверу?

– А, возможно, наоборот, – уныло высказал Медиатор. – Но ничего уже не поправить. Будем ждать их возвращения. Ничего другого нам не остается. Но что за цветок приколот к твоему камзолу? Странно смотрится.

Беллатор аккуратно поправил розу.

– Это подарок любимой женщины, отец. Разве тебе не дарили цветы в знак привязанности?

– Дарили. Но очень давно, – Медиатор задумался, припоминая прошлое. – Но тебе пора приниматься за работу, пришло очень много донесений. Прочтешь, скажи мне, если узнаешь что-то важное.

Поклонившись в знак согласия, Беллатор пошел к себе. В коридоре навстречу ему попала милая девочка четырнадцати лет в изящном белом платье с дорогим бриллиантовым ожерельем на стройной шее.

Сделав глубокий почтительный реверанс, она спросила:

– Можно мне с тобой поговорить, Беллатор?

Он с удивлением посмотрел на нее. Глубоко задумавшись, не сразу узнал сестру.

– Конечно, можно, Марти. Пойдем ко мне.

Оставив ее в своей гостиной, переоделся, опустил розу в умывальный таз с чистой водой и вышел к сестре. Она благонравно сидела на стуле, сложив руки на коленях. Он внимательно всмотрелся в ее лицо, выискивая порочные черты Сордидов. И не нашел. Она была больше похожа на отца, чем на свою мать. О Зинелле напоминали только большие светло-голубые глаза.

– Ты, наверное, пришла узнать о матери? – спросил ее Беллатор, наливая себе бокал вина.

– О маме? – она пожала плечами. – Нет. Мама никогда не интересовалась мной или Рубеном. Она любила только Родолфо. – И проникательно добавила: – Насколько умела любить.

– Вот как? – Беллатор помолчал. Он думал, что ему придется вести полудетский разговор, но понял, что сестра умна. Намного умнее и наблюдательнее, чем он мог предполагать, помня ее мать.

Аккуратно разгладив складки на платье, Марти вскинула голову, прямо посмотрела брату в глаза и откровенно сказала:

– Я не жалею о ней. Не думаю, что она была хорошим человеком. Рубен тоже о ней не вспоминает. Я пришла узнать, что будет с нами.

– А что должно быть с вами? – не понял ее вопроса Беллатор.

– Я незаконная дочь внебрачной дочери, по сути я никто, – спокойно пояснила девочка. – Может быть, мне стоит уйти в монастырь? Надеюсь, тетушка Фелиция примет меня.

– Это бессмысленно! – строже, чем намеревался, произнес Беллатор. – Зачем тебе уходить в монастырь?

– А что мне еще остается? – пожала плечами Марти. – Во мне течет грязная кровь Сордидов. К тому же я не гожусь в жены ни одному достойному человеку. Я же никем не желанный ублюдок. На таких, как я, не женятся.

– Откуда ты это взяла? – Беллатор был шокирован ее словами и тем, с каким спокойствием она из произнесла.

– Мне это говорила мать. И не единожды.

Он мысленно послал проклятье Зинелле. Какая она все-таки подлая стерва! Вымещать личную неудовлетворенность на собственных детях отвратительно, но она ничем не гнушалась.

– Теперь я понимаю, почему ты ее не любишь.

Марти печально опустила голубые глаза.

– Она меня тоже не любила, ведь я дочь Медиатора.

В ее тоне Беллатора что-то зацепило.

– А она хотела бы видеть тебя дочерью другого? – осторожно уточнил он.

– Не знаю. Порой мне казалось, что да. – Предупреждая его вопрос, она поспешно добавила: – Кого, я не знаю. Это только мое ощущение. Может быть, я ошибаюсь.

Почему-то Беллатор тут же вспомнил графа. Кровосмешение? Возможно ли это?

– Нет, в монастырь тебе нельзя.

– Нельзя? Почему? – Марти уже смирилась со строгой жизнью в монастыре. И считала, что для нее это наилучший выход.

– Сначала ты должна понять, каково это – жить. – Беллатор постарался разъяснить свои слова как можно проще: – Представляешь, как будет плохо, если ты примешь постриг и выяснишь, что в миру тебе было бы гораздо лучше? Обратного хода-то ведь не будет. Это монашкой можно стать в любой момент, а вот из монашки светской дамой ты уже никогда стать не сможешь.

– Светской дамой? – девочка не поверила. – А я когда-нибудь смогу стать светской дамой?

– Ты уже почти светская дама, – заверил ее брат. – Ты дочь наместника, не последнего человека в нашем королевстве. И моя сестра. А я наследник наместника.

– Это все верно. Но я бастард.

– Бастарды были только у королей. И по знатности они считались даже выше обычной знати.

– Как нескую?

– Да. – Беллатор был несколько обескуражен знанием сестры подобных жизненных нюансов, которые девушкам ее возраста знать не полагалось. Наверняка это все наущения Зинеллы.

И снова Марти догадалась о его мыслях:

– Это не мама мне говорила. Это я прочла в нашей библиотеке. Историю мне никто читать не запрещал, это же не гривуазные романы.

– Ты любишь читать? – Беллатор кинул мимолетный взгляд на стройные ряды книг в стоящих в комнате шкафах.

Проследив за его взглядом Марти с улыбкой согласилась:

– Люблю. А что мне еще делать? Не вышивать же. Вот уж что я не люблю. Тоска смертная эти нитки и иголки.

– А Ферруна ты видела?

– Это такой страшный, бледный, как смерть? Видела. Он мне не понравился. У меня от его взгляда все внутри оцепенело.

– Смерть? Ну, возможно. Для врагов. Так вот, он тоже очень любит читать.

– Я знаю, – она укоризненно покачала хорошенькой головкой. – Библиотекари жутко ругались. Он брал книги без спросу и не возвращал, а это запрещено.

Беллатор легкомысленно махнул рукой, не предавая значение подобной ерунде.

– Вообще-то они превышают свои полномочия. Библиотека хоть и считается королевской, но собирали-то ее мы. Вернее, наши предки, Медиаторы. Ну и мы с отцом тоже.

Сестра строго взглянула на брата, не одобряя его несерьезность в этом важном для нее вопросе.

– Брать что-либо без спросу в принципе нехорошо. Пусть это даже, по сути, и наше. Так мы выказываем неуважение служащим нам людям. А не возвращать взятое, чем это ни прикрывай, называется кражей.

Беллатор чуть помедлил, прежде чем отпить вино из бокала.

– По сути, ты права, – он вынужден был с ней согласиться. – Тебе вполне можно быть королевой. Ты будешь мудро править.

Марти потупилась и покраснела.

– Я понимаю, ты хочешь сказать мне что-то приятное. Но лучше не надо. Я видела, как исчез Родолфо.

– Вы с ним хорошо относились друг к другу?

Она печально улыбнулась мудрой улыбкой взрослого человека.

– Мы часто играли вместе, когда были детьми. Потом он решил, что стал слишком взрослым для игр.

Беллатор отметил тонкую дипломатичность, с которой сестра ушла от прямого ответа.

– Понятно. Ты боишься, что тебя ждет такая же судьба, если ты сядешь на трон?

Она села поглубже на стуле и поболтала ногами в воздухе, невольно показав, что она еще только ребенок.

– Нет, не боюсь. Потому что я не собираюсь садиться на трон. Мне не нравится приказывать.

– Ты считаешь, что просить лучше? – удивленно уточнил брат.

Марти вскинула на него ясный взгляд.

– Я считаю, что вежливость лучше всего.

– Ты великий дипломат, сестренка! – искренне восхитился Беллатор. – Кстати, почему ты не обратилась с мучающим тебя вопросом к отцу?

Марти скептически посмотрела на него.

– Как я могла? По сути, я обвинила бы его в своих неприятностях. Это мелко. К тому же отец видит во мне предавшую его Зинеллу и относится соответственно.

– Ты считаешь, что он переносит на тебя свое отношение к ней? – Беллатору не понравилось это предположение. По сути, сегодня он впервые разглядел в сестре не несмышленого ребенка, как привык, а очень умного человека.

– Я не считаю, я вижу, – грустно кивнула Марти. – Порой он смотрит на меня с таким негодованием, что я теряюсь. Мне хочется сказать ему, что я не Зинелла, но это неприлично.

Беллатор внезапно зевнул, не успев сдержать зевок, все же ночь была бессонной, и сестра проворно поднялась.

– Прости, ты устал, а я мешаю тебе отдыхать.

Она сделала грациозный реверанс и отправилась к себе. Беллатор тоже учтиво поклонился и, зайдя вперед, раскрыл перед нею дверь.

– Я и не думал, что ты так выросла, сестренка. И так поумнела, – сказал он ей на прощанье.

Она кивнула и быстро пробежала мимо, шелестя пышными юбками.

– Марти! – спохватившись, позвал он ее.

Она остановилась, вопросительно повернувшись к нему.

– Сними это ожерелье. В твоём возрасте полагается носить жемчуг. Бриллианты тебе не подходят.

– Хорошо, – со вздохом согласилась Марти. – Я это знаю. Просто это ожерелье подарила мне моя любимая тетюшка Фелиция, и оно греет мне сердце.

Она ушла. Беллатор прошел в свой кабинет, вскрыл первое лежащее на кипе документации донесение и принялся читать. Обнаружив, что не может сосредоточиться, отложил его в сторону и сжал виски тонкими сильными пальцами.

Как сказала Марти? Оно греет мне сердце?

Он подошел к тазу, вынул розу. От теплой воды бутон раскрылся и предстал перед ним в полном расцвете своей красоты.

– Вот и этот роскошный цветок греет мое сердце. За все годы своей жизни я не испытывал такого благоговения перед женщиной. Жаль, что я не могу перенестись к Росите прямо сейчас. Завтра тоже. Но уж послезавтра я обязательно отправлюсь к ней. И ничто меня не остановит. – Эти слова прозвучали как клятва.

Глава третья

Мрачный граф Контрарио в темно-сером, отделанном черненым серебром бархатном камзоле, стоял в оружейной своего столичного особняка. Заложив руки за спину и расправив плечи, внимательно следил за своим оруженосцем, испытывавшим остроту наточенного меча. Подкинув вверх птичье перо, оруженосец обеспокоенно ждал, когда оно неспешно опустится на лезвие. Это он точил меч и теперь боялся наказания. Но перо, опустившись на острие, разделилось на две части, плавно упавшие на ковер.

– Хорошо, можешь идти. – Граф кивнул на дверь, и оруженосец поспешил удалиться, благословляя свою удачу.

Контрарио был зол, впрочем, как всегда. Злость раздирала изнутри, не давая дышать. Он срывал злобу на всех, кто попадался под руку. С пропажей кольца жить стало гораздо сложнее, и граф зеленел от ненависти, вспоминая Агнесс. Но он рано или поздно ее найдет, и тогда она ответит ему за все его несчастья.

Он знал, что Агнесс была в монастыре Фелиции, знал, что потом отправилась в замок в надежде раздобыть камень, но вот забрала она его или нет, этого он не знал. Тетриус был жив, он это чувствовал. Камень звал его, своего хозяина, чтобы вновь оказаться в его руках. Он тоже стремился владеть Тетриусом, который давал ему безграничную власть над людьми, и которая теперь исчезала, оставляя у них желание мстить за свое порабощение.

И в этом тоже была виновна Агнесс.

И Феррун.

Это он помог бежать Агнесс, граф был в этом уверен. И это Феррун обрушил центральный пролет моста, чтоб он не смог их догнать. Как он это сделал, никто до сих пор понять не мог.

Мост с огромным трудом восстановили через несколько драгоценных дней, сначала натянув вместо обрушенного пролета крепкие цепи, а потом положив на них толстые доски. Достать со дна рва упавшие металлические части моста было невозможно.

Потом граф был вынужден ждать, когда посланные им в деревню пешие стражники вернутся с лошадьми, потому что Феррун с Агнесс умудрились выгнать из замка всех коней.

К счастью, кони оказались на постоялом дворе. Но Берта среди них не было. Один из стражников, оставленных сторожить привезшего Агнесс мальчишку, сказал, что воин, объявивший себя Ферруном, уехал на Берте.

На вопрос разъяренного графа о том, почему Берта у него не отобрали, дрожа, ответил, что с ним никто связываться не посмел – Феррун слишком силен.

Выслушав нелепый рассказ перепуганного владельца постоялого двора, граф не поверил этим рассказам. Но тела убитых Ферруном стражников и особенно сломанный меч убедили его в правдивости сказанного. И насторожили. Кто же это такой – Феррун, и что ему надо было в его замке?

Контрарио взял в руки сверкающий меч, осторожно провел пальцем по острому, как бритва, лезвию. Потом в бешенстве махнул рукой, в которой держал меч. Тот отозвался угрожающим свистом. Он обязательно узнает, кто это такой – Феррун и оплатит. За все.

Но еще больше Контрарио взбеленил его собственный сенешаль, объявивший, что Берт прискакал в его городской дом сам. И он же сказал, что приходил молодой оборванец, донесший, что в монастыре Дейамор подыхает от укусов крыс какой-то «Король-из-подворотни».

На вопрос графа, где принесший эту весть мальчишка, Фонсо, немного помявшись, ответил, что тот ушел.

– Как ушел? – граф заскрипел зубами от злости. – Кто его выпустил?

Сенешаль пожал плечами.

– Его никто не держал. Он запросил слишком много за свои сведения.

– Ты глупец! – граф с ненавистью посмотрел на сенешаля. – Он наверняка знал гораздо больше, чем сказал! Ты хотя бы выяснил, кто это такой – Король-из-подворотни?

– Этого мальчишка не знал. Я его спрашивал. – Фонсо ответил своему господину таким же ненавидящим взглядом.

– Его нужно было не спрашивать, а пытаться! Как зовут мальчишку узнал?

Сенешаль замялся. Этого он спросить у оборванца не удосужился.

Граф понял это без слов.

– Ты просто дурень! Опроси своих людей, может, кто-то из них знает, где его можно найти. И немедленно его ко мне приведите!

Фонсо поклонился и ушел, весьма нелестно думая о своем господине.

Контрарио положил меч, вышел в свою спальню, остановился перед задернутым портретом величиной в рост человека и резким движением отдернул покрывало. И тут же прерывисто вздохнул, будто получив сокрушающий удар под дых.

На него, нежно ему улыбаясь, смотрела Фелиция в самом расцвете своей потрясающей юной красоты. Он приказал сделать этот портрет в ту пору, когда она была его невестой. В пору так и не сбывшихся надежд и мечтаний. Увы, это время длилось недолго.

Он снова с проклятиями вспомнил свою надменную мать, не побрезговавшую приехать в королевский дворец и заявить наместнику, что этому браку не бывать, и что ее сын женится на ничтожной безродной особе только через ее труп.

И вот труп графини, или, вернее, ее обглоданные крысами кости есть, но свадьбы так и не было. Но будет! Он принудит Фелицию признаться, что она любит его! И кардиналу не останется ничего иного, как отпустить ее из монастыря. И вот тогда свадьба будет.

Граф нежно обвел кончиками пальцев контуры тонкого лица бывшей невесты. И снова неистово проклял Агнесс. Когда у него было кольцо, в его жизни были другие цели, и про этот портрет он даже не вспоминал. И сердце не болело, закованное навеянным кольцом бесстрастием. Но теперь, когда чары Тетриуса спадают, как звенья ржавой цепи, ему все более и более смотреть на этот дивный лик.

Немыслимая горечь раздирала сердце. Он уткнулся лбом в портрет и несколько минут постоял так, справляясь с собой.

Фелиция! Это была его пожизненная мука. Он был уверен, что рядом с ней его не терзала бы злая тоска, разрывая на части его измученное сердце. И она тоже любила его, иначе не ушла бы в монастырь, отрешившись от надежды счастливо выйти замуж, хотя поклонники стаями вились возле ее дверей.

Его новая любовница, выбранная им за белокурые волосы, похожие на волосы Фелиции, трепетала каждую ночь, боясь не угодить своему господину и подвергнуться жестокому наказанию. Вот и в эту ночь она не была достаточно соблазнительной, и овладел ею граф только после того, как представил на ее месте Фелицию.

Но он вернет свою единственную любовь! Фелиция все равно будет его! Предначертанное исполнится!

Контрарио решительно задернул занавесь портрета. Вернулся в оружейную и снова взял в руки меч. Простая без украшений рукоять удивительно ладно легла в его ладонь. Серебристое лезвие со свистом рассекло воздух. Меч был легкий, но необыкновенно прочен. Он был очень стар, но на нем не было ни одного пятнышка ржавчины. Из какого сплава был сделан меч, граф не знал. Опытнейшие кузнецы, которым он показывал меч, только восторженно качали головой. Никто из них даже не пытался повторить что-либо подобное.

Замечательный подарок. Подарок крыс. Вернее, их предводительницы.

Жаль, что замок от крыс очищен. И кому это удалось? Чародейство в государстве не в чести, крысолова вполне можно отдать под суд и добиться сожжения на костре, как колдуна. Но только как узнать, кто это был? Может быть, Феррун?

Но кто же он все-таки такой?

И тут он вспомнил, как испуганно замерцал и померк в кольце Тетриус, когда тот жалкий мальчишка, почти ребенок, вскинул на него свои невероятно синие глаза и заявил, что он, граф Контрарио, дурень!

И упустил он мальчишку только потому, что изумился. Поразился до полного ступора, позволившего нахаленку удрать. Разыскивать не стал, был уверен, что тот подохнет где-нибудь в закоулках замка. С той поры он его не разу не видел и был уверен, что так и случилось.

Напрасно.

Он выжил. И стал настоящей опасностью. Если это тот Феррун, о котором ходят дикие байки вроде уничтожения воронов королевского дворца, то от него можно ждать много неприятностей. Но теперь он хоть знал, что этот трубочист вовсе не дворянин, как уверяли его на постоялом дворе. Теперь его можно обвинить в измене, бегстве и воровстве. Дивный меч Ферруна, которым восхищались все, кто его видел, наверняка украден из замка Контрарио.

Но он и с Ферруном разочтется. Потом. А сейчас у него другие заботы.

Граф вставил меч в ножны, повесил на пояс и подошел к высокому зеркалу. Оно отразило высокого горделивого мужчину с напряженным недобрый взглядом. После утраты кольца отражение в зеркале изменилось: пропала кровавая сетка в глазах и кожа из желтоватой стала белой. Он будто помолодел лет на десять. Наверняка это камень высасывал из него жизнь и здоровье, давая взамен безграничную власть.

Знать бы, что камень может быть так дерзко у него похищен, и у него мало времени, давно бы сместил Медиатора и владел Терминусом как полноправный король. На трон можно и не садиться. Или вообще выбросить его на свалку. Хотя как это сделать? Трон вмурован в пол тронного зала, и просто так его не поднять.

Отметая эти здравые рассуждения, Контрарио решил, что на это есть каменщики, плотники и прочий рабочий люд. Его дело приказать. И придет время, когда он отдаст такой приказ.

А сейчас он должен захватить монастырь. Сам монастырь ему, естественно, не нужен, ему нужна только Фелиция. Проще было бы схватить ее на улице, но в последнее время она из монастыря не выходит. Его попытка выманить ее подложным письмом от имени Медиатора не удалась, она его просто проигнорировала. Наверняка у них с братом оговорены какие-то особые слова, которые он не знает.

Как плохо, что с гибелью жуткого предводителя крыс исчезла и столь удобная система отлаженной связи. Теперь крысы не спешат к нему со всей страны с донесениями от его шпионов. И нет Антии, от которой он знал обо всем, что делалось в королевском дворце.

Но это не страшно. Теперь, когда в Мерриград ушла почти вся королевская стража, когда нескіо со своим войском не встает ему поперек дороги, у него развязаны руки, и он возьмет свое. То, что было ему обещано давным-давно. Нежную, так манящую его к себе Фелицию. Страстно любимую им Фелицию. Живую, а не мертвую.

Отойдя от зеркала, сел в кресло с высокой спинкой. Немного подумал и, на что-то решившись, приказал позвать к себе сенешаля. Тот явился почти сразу, его комнаты были на первом этаже городского дома графа.

– Сколько у нас людей? – не удостоив его приветствия, спросил граф.

Фонсо с некоторой небрежностью поклонился и ответил с толикой осуждения:

– Смотря каких. Если вы имеете в виду воинов, то около тысячи. Но большая часть из них охраняет границы Терминуса.

Граф грязно выругался.

– От кого охраняет?

Сенешаль чуть заметно вздернул бровь. Неужели граф не знает то, что в его вотчине знает каждый младенец? Но ответил сдержанно:

– Из соседней Фарминии постоянно приходят браконьеры. И по условиям владения титулом графы Контрарио обязаны защищать границы страны и своих владений.

Контрарио вскочил, не в силах справиться с собственным норовом.

– К дьяволу все условия! Неужто ты думаешь, что кто-то посмеет отобрать у меня титул? Это привилегия королей. Вот когда у нас появится король, тогда и будешь думать, выполнять условия владения титулом или нет. А сейчас слушай мой приказ: отзывать всех своих людей от границы с Фарминией и собирай под Купитусом. Место можешь выбрать сам, но побеспокойся, чтоб никто ничего не заподозрил.

– Вы собираетесь штурмовать королевский замок? – поразился сенешаль. – Для этого нужна не одна тысяча человек. Там и сотни тысяч будет мало.

Граф вспыхнул, как сухой порох.

– Болван! Неужели ты считаешь меня идиотом? – Фонсо сделал шаг назад, молча поклонился, отрицательно покачал головой. Контрарио помолчал, пытаясь совладать со вспышкой ярости. Наконец добавил охрипшим голосом: – Я собираюсь штурмовать монастырь Дейамор.

Сенешаль исподлобья посмотрел на него, не в состоянии скрыть отвращения.

– Вы собираетесь штурмовать божью обитель? – ему очень хотелось повернуться и уйти, но этого он позволить себе не мог. Слишком многим он был связан со своим неистовым господином.

– Да! – взбешенно рявкнул Контрарио. – Если тебе это не по нраву, можешь катиться ко всем чертям! Замену тебе найти не трудно!

Фонсо криво усмехнулся.

– На мне висит слишком много злодейств, чтобы я побоялся совершить еще одно. Хорошо, я вызову всех своих людей. Но на это понадобится несколько дней. Учтите, ваши границы останутся без защиты. И замок Контрарио в слишком опасной близости от Фарминии.

Граф в неистовстве сжал кулаки и придвинулся вплотную к сенешалю, будто намереваясь его ударить. Тот невольно отшатнулся.

– Ерунда! Замок неприступен! Принимайся за переброску людей немедленно!

Сенешаль удалился, отвесив на прощанье короткий издевательский поклон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.